

Андрей Воронин

Му-Му
Бездна Кавказа

Му-Му

Андрей Воронин

Му-му. Бездна Кавказа

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Му-му. Бездна Кавказа / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Му-Му)

ISBN 978-985-16-6987-1

Директор частного сыскного агентства Сергей Дорогин нарушает планы спецслужб России и Грузии. Узнав слишком опасные секреты, он сам становится мишенью.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-6987-1

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Воронин
Муму. Бездна Кавказа

© Харвест, 2010

Глава 1

С улицы в разбитое окно тянуло свежими запахами мокрой листвы и прибитой недавним дождем пыли. Это был мирный, сугубо городской запах, и, если закрыть глаза, можно было вообразить, будто там, за окном, все осталось по-прежнему, и сквозняк проникает в квартиру не через выбитое взрывной волной, оскалившееся кривыми клыками грязного закопченного стекла окно, а через открытую форточку или, скажем, балконную дверь.

Закрывать глаза и представить, что все вокруг осталось прежним, – это было искушение, с которым генерал госбезопасности Грузии Ираклий Мтбевари справился без особого труда. Он не привык тешить себя иллюзиями, да и торчать посреди разгромленной, оставленной жильцами квартиры было бы глупо как минимум по двум причинам. Во-первых, генерал Мтбевари был здесь не один, и его собеседник, чья проницательность давно стала притчей во языцех, наверняка счел бы подобное поведение проявлением слабости. Во-вторых же, закрывать глаза было бесполезно: проникавший в комнату неистребимый запах гари никуда не денется, даже если глаза не закрыть, а выколоть, да и картина, открывающаяся из окна, так крепко врезалась в память, что ее оттуда уже не вытравишь.

Хрустя битым стеклом и осыпавшейся штукатуркой, генерал подошел к окну. Потревоженная носком его ботинка россыпь стреляных автоматных гильз отозвалась мелодичным перезвоном. Исковерканный пулями оконный проем оцетинился острыми щепками, кривые стеклянные клыки наводили на мысль о предсмертном оскале; окно напоминало пасть, по которой с нечеловеческой силой ударили железным ломом. Генерал не знал, кто держал оборону в этой брошенной бежавшими в панике жильцами квартире, друг это был или враг, но об участии стрелка красноречиво свидетельствовало огромное темное пятно на полу и бурые помазки на облупленных железных ребрах радиатора парового отопления – там, где пробитое тело сползало вниз, из последних сил цепляясь за жизнь.

Выглянув в окно, Ираклий Самсонович увидел знакомую картину. С высоты четвертого этажа открывался вид на заваленную битым кирпичом и ломаным бетоном, окруженную развалинами, утыканную истерзанными ураганным огнем деревьями площадь. На противоположной стороне улицы, частично погребенный под остатками рухнувшей стены, виднелся подбитый танк. Впрочем, слово «подбитый» описывало ситуацию далеко не исчерпывающим образом: танк был не подбит, а уничтожен и напоминал не выведенную из строя современную боевую машину, а жестяную детскую игрушку, на которую спьяну наступил кованым башмаком двухметровый амбал. Сорванная с основания башня сползла набок, искривленный ствол зарылся в грудку битого кирпича; обе гусеницы были перебиты и мертвыми змеями распластались поверх обломков, катки с левой стороны торчали под углом к корпусу, как будто на танк и впрямь наступили ногой. Он был буквально раздавлен, и при мысли о той чудовищной силе, которая для этого понадобилась, даже выдавшему виды генералу Мтбевари становилось не по себе. Ираклий Самсонович, как и многие его коллеги, не верил, что эта сила будет выпущена на волю; по крайней мере, они на это надеялись, потому что им не оставили выбора. На гигантской шахматной доске мировой политики Грузии отводилась незавидная, хотя и почетная роль проходной пешки; хитроумные комбинации противников множились, громоздясь одна на другую, напряжение росло, пока не прорвалось в эту короткую войну, похожую на кулачный бой с мчащимся во весь опор тепловозом. И сейчас, когда город, из которого их выбили, все еще пах гарью пожарищ и смердел разлагающимися под завалами телами убитых, генерал грузинской госбезопасности Ираклий Самсонович Мтбевари чувствовал себя так, словно раздавленный танк на противоположной стороне улицы был не уничтоженной боевой машиной, а его собственным отражением в зеркале.

– Возможно, не стоило выпускать джинна из бутылки только затем, чтобы убедиться, что он по-прежнему силен, – словно подслушав его мысли, произнес собеседник.

Генерал резко обернулся, стиснув зубы, чтобы не вспылить. Внизу, за окном, сердито рыча дизелями и хрустя битым кирпичом, прополз бронетранспортер с эмблемой российских миротворческих сил на борту. На броне, настороженно поглядывая по сторонам из-под низко надвинутых стальных касок, сидело несколько солдат в полной боевой выкладке. Бросив в ту сторону короткий взгляд через плечо, Ираклий Самсонович отошел от окна, чтобы его не заметили с улицы.

Его собеседник сидел почти в самом центре комнаты на чудом уцелевшем стуле, забросив ногу на ногу, и лениво курил, стряхивая пепел на замусоренный пол. У Мтбевари вдруг возникло твердое убеждение, что он поставил бы стул точно в геометрическом центре помещения, если бы не опасался, что криво висящая под потолком, держащаяся на честном слове люстра ненароком сорвется и упадет на голову. Одежда на собеседнике была полувоенная – практичная, немаркая, местами даже камуфляжная, она, тем не менее, прямо указывала на то, что ее обладатель человек штатский, мирный, и что, прежде чем спустить курок, у него следует хотя бы проверить документы. На левой стороне груди болталась закатанная в прозрачный пластик карточка с фотографией и броской аббревиатурой «ОБСЕ». Согласно этому удостоверению, собеседник генерала Мтбевари являлся действительным членом миссии данной уважаемой организации на Северном Кавказе. На деле, как не без оснований подозревал генерал, этот тип имел к ОБСЕ такое же отношение, как сам Ираклий Самсонович – к балетной труппе Большого театра. Так называемые права человека являлись для него не более чем одним из инструментов политического давления на противника, и вспоминал он о них только тогда, когда в этом возникала необходимость. А может быть, и вовсе не вспоминал: квалифицированных, высокооплачиваемых специалистов по ведению информационной войны хватало, так что он вполне мог не забивать себе голову подобными мелочами. Зато удостоверение комиссара ОБСЕ, хоть и не открывало перед ним все шлагбаумы в зоне недавнего военного конфликта (к чему он, кстати, вовсе и не стремился), служило надежной защитой от военных, которые скорее дали бы пристрелить себя, чем причинили вред важной шишке из Брюсселя, вызвав тем самым громкий международный скандал и неизбежные санкции политического и, главное, экономического характера.

– Не играйте желваками, генерал, – лениво растирая окурок подошвой американского солдатского ботинка, произнес он. – Вы прекрасно знаете, что я прав.

– Тот, кто напоминает собеседнику о недавно пережитом горе, говорит правду, это бесспорно, – не удержавшись, возразил Ираклий Самсонович. – Но прав ли он?

– Горе горю рознь, – пожал плечами липовый сотрудник ОБСЕ. – Когда ваш дом стораает от удара молнии, это действительно горе, которому не посочувствует только тот, у кого вместо сердца камень. Но тот, кто сначала дразнит медведя, а потом с плачем жалуется, что его помяли, – просто дурак, к которому я не испытываю ни сочувствия, ни уважения. Разумеется, я не имею в виду лично вас. Но ваше высшее руководство, на мой взгляд, выбрало себе плохих советчиков.

– Да уж, советчиков, – вынимая из кармана сигареты, сердито проворчал генерал.

– Заметьте, я не сказал: хозяев.

– Разумеется, исключительно в силу свойственной вам деликатности.

– Конечно.

Привстав, собеседник чиркнул колесиком зажигалки и дал генералу прикурить. У него были тонкие черты лица, точеный нос с характерным вырезом ноздрей и большие, очень выразительные восточные глаза, опущенные длинными ресницами. Кожа у него, несмотря на происхождение, была даже светлее, чем у генерала Мтбевари, и Ираклию Самсоновичу вдруг захотелось спросить, отбеливал он ее специально, как Майкл Джексон, или этот не совсем

характерный цвет лица достался ему в наследство от бабушки, согрешившей с каким-нибудь белым миссионером или, скажем, инженером-нефтяником. Он сдержался, поскольку был заинтересован в этой встрече гораздо больше, чем собеседник, и приложил огромные усилия к тому, чтобы она состоялась.

– Не будем ссориться, генерал, – примирительным тоном произнес араб, снова опускаясь на стул, который негромко скрипнул под тяжестью его крепко сбитого тела. Он со звонким щелчком закрыл крышечку зажигалки, погасив пламя, и спрятал ее в карман. – Мы оба проделали длинный и нелегкий путь, чтобы встретиться здесь. Наше время стоит дорого, и нам ни к чему тратить его на пустые препирательства.

– Согласен, – кивнул Мтбевари, окутываясь дымом дорогой американской сигареты. – Но я хотел бы заметить, что в свое время половина ваших шейхов и военачальников прошла обучение не где-нибудь, а именно в Соединенных Штатах. Как и вы сами, уважаемый.

– Верно, – подтвердил араб. – А вы, в свою очередь, учились в России. Ну и о чем это говорит?

– Пожалуй, только о том, что мы с вами оба являемся неплохими специалистами в своей области, – хмыкнул Мтбевари, кладя конец так и не состоявшейся размовке.

– Отлично сказано! – сверкнул белозубой улыбкой араб. – Вы абсолютно правы. Я собаку съел на защите прав человека, а вы... Э...

Генерал Мтбевари со скрипом потер ладонью заросший густой трехдневной щетиной подбородок. На нем были просторные серо-зеленые брюки со множеством накладных карманов, заправленные в высокие берцы на толстой рубчатой подошве, линялая серая футболка, потертый кожаный жилет и матерчатая шляпа с обвисшими полями. В сочетании с побитыми сединой усами, щетиной и выпирающим между полами жилета брюшком все это придавало ему вид деревенского жителя, явившегося в разбомбленный город в тщетной надежде продать перекупщику урожай мандаринов.

– Инженер-строитель из Москвы, – представился он. – Здешний уроженец. Приехал помочь землякам снова наладить нормальную жизнь.

– Весьма похвально, – ухмыльнулся араб. – Надо же, какое совпадение! По документам мы с вами оба являемся специалистами как раз в тех областях, в которых никогда не работали. Мне кажется, вы больше привыкли взрывать и жечь, чем строить...

– А вы – нарушать права человека, чем следить за их соблюдением, – подхватил генерал. – Не понимаю, что вас удивляет. Чтобы грамотно взорвать здание, нужно знать, как оно построено. То же относится и к людям: чтобы вышибить человеку мозги, надо, помимо всего прочего, знать, где они находятся.

– Что же нужно московскому инженеру-строителю от правозащитника из Брюсселя? – осведомился араб. – Неужели кто-то дерзнул нарушить ваши права?

– Более того, – сказал Ираклий Самсонович. – Попрано мое человеческое достоинство, унижена моя честь... ну, и так далее. Мы проиграли войну, как вы, наверное, знаете.

– Об этом знают все, – кивнул араб. – А вы что, рассчитывали ее выиграть? Или вы думали, что Россия не посмеет вмешаться, испугавшись мирового общественного мнения? Напрасно. Они и так слишком долго прислушивались к этому пресловутому мнению, которое на деле является голосом Белого дома. И не говорите мне о территориальной целостности! Если бы в свое время Советский Союз в Тбилиси защищал свою территориальную целостность не саперными лопатками, а танками и ракетными снарядами, ваш российский паспорт сейчас был бы не фальшивым, а самым настоящим, а на обложке вашего служебного удостоверения красовалась бы совсем другая надпись – «ФСБ», а то и, чего доброго, «КГБ СССР».

– Я пришел сюда не за нравочениями, – раздраженно отшвырнув сигарету, напомнил Ираклий Самсонович. – Кроме того, вы обращаетесь не по адресу. Я просто выполнял приказ, хотя и понимал, что это авантюра. Провокация, и притом не самая умная. Вообще, в наше

время территориальные государства не должны затевать войны. Государство – это четко обозначенное на всех географических картах пятно, в которое при нынешнем уровне развития истребительной техники ничего не стоит вколотить столько ракет, сколько вам вздумается. Любому осел знает, где расположены Москва и Вашингтон, но где столица «Аль-Каиды»? Палестина как государство не воюет с Израилем, но легче ли от этого израильтянам?

– Я всегда знал, что вы умный человек, – медленно кивнул араб. – Но ваши речи... Мне странно слышать их из уст генерала, состоящего на службе у государства, проводящего откровенно проамериканскую политику. А главное, кому вы все это говорите? Вам не кажется, что сам факт нашей встречи, если о нем станет известно, крайне негативно скажется не только на вашей карьере, но и на взаимоотношениях Тбилиси и Вашингтона?

Иракий Самсонович тяжело, невесело усмехнулся.

– Какое влияние на международные отношения может оказать встреча двух частных лиц? – сказал он. – А я, да будет вам известно, ныне пребываю именно в таком статусе. Разжалован, уволен и лишен каких бы то ни было официальных полномочий.

– Это все меняет, – слегка оживился араб. – Значит, дело действительно серьезное.

– Более чем, – кивнул Мтбевари. – У вас солидная организация с мировым именем...

Араб усмехнулся, отдавая должное этому двусмысленному комплименту, и, порывшись в многочисленных кармашках своего пятнистого охотничьего жилета, сунул в зубы новую сигарету.

– ...И у вас хватает специалистов, способных профессионально решить мою проблему. Подчеркиваю: мою личную, частную проблему, не имеющую ничего общего с интересами официального Тбилиси.

– Наши специалисты недешево берут, – прикуривая от зажигалки, невнятно заметил араб.

– А я достаточно обеспеченное частное лицо, чтобы не экономить на качестве оказываемых мне услуг, – заявил Иракий Самсонович. – Читайте, что я нашел на своем дачном участке нефть. Много нефти.

– Сочувствую, – хмыкнул араб. – Не бойтесь, вернувшись домой, обнаружить у себя на газоне танк «Абрамс», а посреди клумбы – пулеметное гнездо с парочкой морских пехотинцев?

– Не настолько много, – успокоил его Мтбевари, – чтобы это заинтересовало американский конгресс, но вполне достаточно, чтобы оплатить некоторые свои... ну, скажем так, капризы.

– И каковы же ваши капризы?

Генерал – бывший, как он утверждал, и, согласно официальным документам, действительно бывший, – подошел к собеседнику, склонился над ним, опершись о спинку стула, и зашептал на ухо. Араб слушал, держа дымящуюся сигарету немного на отлете; его брови и уголки красиво очерченных губ постепенно поднимались, придавая лицу выражение веселого изумления.

– Да бросьте! – как-то совсем по-русски воскликнул он, дослушав до конца. – Неужто вы такой горячий патриот?

– Неужто вам это и впрямь интересно? – в тон ему откликнулся Мтбевари. – И потом, при чем тут патриотизм? Может быть, он мне просто не нравится.

– Да, это возможно, – согласился араб. – Только должен вам заметить, что на такие мишени у наших специалистов совсем другие расценки. Не всякая скважина даст столько нефти, чтобы сполна расплатиться за один хороший выстрел.

– Моя даст, – заверил его Иракий Самсонович. – Кроме того, я всю жизнь откладывал из жалованья.

– Ха! – воскликнул араб.

– Вот вам и «ха», уважаемый. Не надо сомневаться в моей платежеспособности. Я же не сомневаюсь в квалификации ваших людей! Хотя должен, в свою очередь, заметить, что вашим чеченским друзьям уже давно пора хоть как-то проявить себя. Что-то они совсем затихли, словно мыши под веником. Как будто известное вам лицо и впрямь выполнило свое обещание...

– Какое именно?

– Перемочить их в сортире! Не мешало бы напомнить всему миру, что это не так.

– А заодно загрести жар чужими руками, – как бы между прочим вставил араб.

– Маленькое территориальное государство не может воевать с большим, – напомнил Ираклий Самсонович. – А такая организация, как ваша, может. Ее основная задача – держать весь мир в страхе. Так покажите всем, на что способны! Захватывать школы и больницы – это, по-вашему, высокий профессионализм? Да это может сделать любой дурак! Обвяжи кусок хозяйственного мыла бечевкой, скажи, что это тол, и дело в шляпе...

– Все это довольно спорно, – вздохнул араб, – и вообще звучит как-то по-обывательски...

– А я и есть обыватель, – перебил его Ираклий Самсонович. – Недурно обеспеченный безработный обыватель, который просит оказать ему маленькую услугу и готов за нее заплатить.

– Заманчиво, – сказал араб. – Я говорю, разумеется, не о деньгах.

– Ну, разумеется. Деньги – просто инструмент.

– Совершенно верно. Универсальный инструмент, который должен быть под рукой, когда в нем возникает нужда.

– Об этом можете не беспокоиться. Вся сумма будет переведена по первому требованию. Ведь мы оба – солидные деловые люди, не так ли? Мы привыкли выполнять обещания и хорошо знаем, что бывает в нашем бизнесе с теми, кто не умеет держать слово.

– Приятно поговорить с умным человеком, – сказал араб и встал. – И мне вдвойне приятно, что наши давние разногласия если не забыты, то хотя бы на время отодвинуты в сторону ради общего дела. Конечно, с куда большим удовольствием я занялся бы такой работой где-нибудь на территории Соединенных Штатов...

– Почему бы и нет? – пожал плечами Мтбевари. – Займитесь. И людей, и денег у вас предостаточно, а акция могла бы получиться весьма впечатляющая.

– Мы думаем об этом, – признался араб. – Что ж, выполнение вашей просьбы при желании можно рассматривать как своего рода тренировку.

– Отлично, – сказал Ираклий Самсонович.

– Отлично, – эхом откликнулся араб. – Думаю, детали мы обсудим позже.

Через открытое окно с улицы донесся едва слышный хлопок. На него легко было не обратить внимания; его вообще можно было не услышать, но чуткие уши двух матерых разведчиков и диверсантов уловили этот слабый звук и безошибочно идентифицировали как выстрел из оснащенного глушителем пистолета. Так называемые миротворцы глушителями не пользовались; собеседники переглянулись, и лица у обоих вдруг сделались одинаково непроницаемыми.

– Я вижу, вы пришли не один, – заметил араб.

– Можно подумать, вы явились сюда в одиночестве, – не остался в долгу грузин. – Но мне кажется, если бы наши люди чего-то не поделили, одним выстрелом дело бы не ограничилось.

– Это верно, – согласился араб. – Как и то, что нам пора расходиться. Я свяжусь с вами, когда будет принято решение.

– Жду с нетерпением, – ответил Ираклий Самсонович. – Только не забывайте: я – частное лицо, имя и национальная принадлежность которого нигде не должны упоминаться.

Араб понимающе усмехнулся, не прощаясь, шагнул за дверь и словно растворился в сумраке заваленной оборванными обоями и осыпавшейся штукатуркой прихожей. Не было

слышно ни стука, ни шороха, как будто человек в полувоенной одежде и со значком миссии ОБСЕ на груди действительно растаял в воздухе, словно облачко сигаретного дыма.

Выжидая положенные по правилам конспирации пять минут, Мтбевари выкурил сигарету. При этом он гадал, кто и, главное, в кого стрелял на улице. Снаружи опять прогрехотал бронетранспортер армейского патруля. Когда рев мощного дизельного движка затих в отдалении, Ираклий Самсонович затоптал окурок и вышел из квартиры, стараясь двигаться так же бесшумно, как его недавний собеседник. Из этого, увы, ничего не получилось: уже на третьем или четвертом шаге под подошвой его ботинка с отчетливым щелчком лопнул осколок стекла. Вздвогнув от этого звука, Мтбевари задел плечом свисавший со стены клочок обоев, и те громко зашуршали. Ираклий Самсонович выругался по-грузински и, бросив валять дурака, своей обычной походкой вышел из квартиры.

* * *

Напевая себе под нос популярный мотивчик, Михаил Шахов вышел из лифта. Извлеченная из кармана пальто связка ключей издала негромкий мелодичный звон. Спohватившись, Шахов снял шапку, отряхнул ее, оставив на сухом кафеле лестничной площадки полосу темных влажных пятнышек, нахлобучил обратно на голову и зажатymi в кулаке перчатками, как мог, сбил с плеч тающий снег. На улице мело уже вторые сутки, за ночь снега навалило столько, что поутру гараж пришлось откапывать, словно жили они не в Москве, а на таежной заимке. Езда по городу, которая и в хорошую погоду была сущим наказанием, теперь превратилась в изощренную пытку, и Михаил был рад, что долгий рабочий день наконец-то остался позади. Он с наслаждением предвкушал тихий вечер, проведенный в тепле и уюте обжитой квартиры – на диване, один на один с телевизором, с банкой пива в одной руке и сигаретой – в другой. Жена и дочь уехали в Вязьму проведать захворавшую тещу, и вечерок обещал быть по-настоящему тихим.

Михаил Шахов искренне любил жену и души не чаял в своей десятилетней дочери; более того, он ничего не имел даже против тещи, особенно до тех пор, пока та сидела дома, в Вязьме и давала о себе знать только телефонными звонками. На работе и вообще вне дома он казался твердым, как скала, но это касалось только посторонних; переступив порог квартиры, он становился мягким и уступчивым. Женившись на стерве, норовящей всегда и во всем оставить за собой последнее слово и ничего вокруг не замечающей, кроме собственного отражения в зеркале, он стал бы несчастным человеком. Но Ольга Шахова стервой не была и умела по достоинству ценить то сокровище, которое ей досталось – алмаз не алмаз, но весьма недурной камешек, который после умелой огранки (а огранщиком Ольга, как показало время, была отменным) засиял мягким, теплым, не предназначенным для посторонних взглядов блеском. Они прожили уже пятнадцать лет в любви и согласии, но в данный момент это не мешало Михаилу радоваться тому, что дома его никто не ждет. Каждому человеку время от времени необходим отдых от всех, даже от самых любимых и близких.

За дверью соседней квартиры надрывно, истерично лаяла собака – видимо, тоже осталась дома одна, но, в отличие от Михаила, была этому совсем не рада. Шахов сочувственно усмехнулся: ну, еще бы! Ни тебе телик включить, ни пивка дернуть, ни в холодильник залезть... И не приласкает никто. Запертая в бетонной коробке городской квартиры, собака не может сама о себе позаботиться и полностью зависит от человека. Она это понимает, а если даже и не понимает, то чувствует, вот и надрывается, зовет хозяев... А хозяйева, небось, в театр подались или, скажем, в кино, на премьеру «Обитаемого острова». Или в ресторан...

Выбирая из связки нужный ключ, Шахов с некоторым трудом припомнил, кто живет в этой квартире. Жил там здоровенный амбал с бритой макушкой и такими габаритами, что в дверь ему приходилось протискиваться боком – жил, понятно, не один, а с женой. Детей у

них не было; чем занимается сосед, Михаил не знал и не интересовался, и амбал платил ему взаимностью: при встречах они здоровались, и только. Дочь Михаила, десятилетняя Анюта, называла соседа Громозекой. Шахов знал, что это из Кира Булычева – книжка со смешными фантастическими рассказами для детей стояла на полке, да и снятый по ней мультфильм он помнил едва ли не с детства, – но в применении к соседу это имя, казалось, звучало как-то иначе. Прежде всего в нем обращала на себя внимание вторая половина – «зека», – которая, как представлялось Михаилу Шахову, исчерпывающим образом описывала как недавнее прошлое, так и ближайшее будущее соседа. Так что хозяйка бедной псины, надо полагать, в данный момент веселились в ресторане или в казино. Какой уж тут, в самом деле, театр...

Стоя на коврик перед дверью своей квартиры, Михаил протянул руку с ключом к замочной скважине и замер, расширившимися глазами глядя на изуродованный косяк. Сердце бешено заколотилось в груди, тело стало легким, почти невесомым от мощного выброса адреналина. Между дверным полотном и исковерканным фомкой косяком зияла темная щель шириной в палец, из которой ощутимо тянуло теплом и знакомым, домашним запахом.

Шахов осторожно, чтобы не звякнули, сжал ключи в кулаке и бесшумно опустил их в карман пальто. Рука скользнула за левый лацкан, вернувшись оттуда с пистолетом. Михаил взвел курок, и затвор семнадцатизарядного «Ярыгина» негромко клацнул, дослав в патронник то, что, с учетом владевшего Шаховым в данный момент настроения и его высокого профессионального мастерства, обещало стать чьей-то верной смертью. «Перебью, как собак», – подумал он, бесшумно приоткрывая дверь и тенью проскальзывая в неосвещенную прихожую.

Он сразу же шагнул вправо, чтобы его силуэт перестал быть завидной мишенью на фоне освещенного дверного проема, и прижался лопатками к стене рядом с выключателем, прислушиваясь не столько к царившей в квартире тишине, сколько к собственным ощущениям. В туалете чуть слышно журчал подтекающий смывной бачок, со стороны кухни доносилось сонное бормотание холодильника. На лестничной площадке по-прежнему раздавалось приглушенное двойной дверью гавканье соседской дворняги. Этажом ниже работал телевизор; Шахов слышал невнятную скороговорку комментатора и накатывающийся волнами рев трибун – хоккейный матч, который он мечтал посмотреть, уже начался, и это обстоятельство отнюдь не способствовало улучшению владевшего Михаилом дурного настроения.

Усилием воли он подавил эмоции и еще раз тщательно проанализировал свои ощущения. Похоже было на то, что в квартире никого нет; Шахов чувствовал себя довольно глупо, стоя в собственной прихожей с заряженным пистолетом наготове, но жизнь давным-давно научила его не делать исключений из правила, гласящего, что лучше быть смешным, чем мертвым. Поэтому, вместо того чтобы включить свет, он, не глядя, протянул руку, взял с полки над вешалкой электрический фонарик и крадучись двинулся в обход квартиры.

Квартира у Шаховых была небольшая – стандартная «трешка» жилой площадью чуть более сорока квадратных метров, – и осмотр ее не занял много времени. По окончании этой процедуры Михаил зажег свет в гостиной, поднял с пола перевернутое кресло, уселся в него и, положив на колено пистолет, обвел тяжелым взглядом картину царившего здесь разгрома.

Вся квартира была буквально перевернута вверх дном. Сброшенные с полок книги грудами валялись на полу вперемешку с постельным бельем и прочим содержимым ящиков комода. Поверх всего этого лежала опрокинутая новогодняя елка, и осколки растоптанных игрушек поблескивали в ярком электрическом свете, как вкрапления слюды в горной породе. На месте купленного две недели назад в качестве новогоднего подарка всей семье домашнего кинотеатра зияла пустота; музыкальный центр тоже исчез, не говоря уже о деньгах на домашние расходы, без затей хранившихся в верхнем ящике комода под стопкой чистых полотенец. Воры зачем-то оборвали карниз, на котором висели шторы. Он косо повис на одном гвозде, правой стороной почти касаясь пола, и некоторое время Шахов с тупым изумлением разглядывал его, пытаясь угадать, чем он помешал взломщикам.

Потянувшись за сигаретами, Михаил обнаружил, что все еще держит в руке пистолет, осторожно спустил курок, поставил оружие на предохранитель и убрал в наплечную кобуру, что привычно висела под пиджаком на левом боку. Достав из кармана пачку «L&M», к которым привык еще в армии, он зажег сигарету и стал курить длинными, глубокими затяжками, изо всех сил стараясь подавить вспыхнувшее бешенство. Какого дьявола?! Что, на нем свет клином сошелся?

В конце ноября, когда дачный сезон уже завершился, и в поселке не осталось никого, кроме старика-сторожа и его глупой, как еловый пень, собаки, в одну из ясных холодных ночей сгорела дача Шаховых. Пожарным удалось спасти соседние дома, но от крепкого бревенчатого пятистенка, перевезенного Михаилом из соседней деревни, остался один фундамент. Осматривавшие место происшествия специалисты из МЧС высказали предположение, что причиной возгорания могло стать короткое замыкание, но, поскольку проводка сгорела вместе со стенами, это предположение так предположением и осталось, и Шахов, сколько ни бился, не смог получить вразумительного ответа на вопрос, откуда оно взялось. Собственно, все было ясно и без дополнительных разъяснений: грозы в ту ночь не было, следов поджога в виде пустой канистры из-под бензина на пепелище не обнаружили; видимых оснований для возбуждения уголовного дела пожарники не нашли, искать невидимые следы никому не хотелось, и, наконец, надо было хоть что-то написать в протоколе!

К счастью, эта запись в протоколе не оставила лазейки агенту, который составлял акт о наступлении страхового случая. Деньги со страховой компании Шахов получил на удивление быстро, и это послужило им – в основном, жене, поскольку сам Михаил относился к подобным вещам с философским спокойствием: бог дал, бог и взял, – хоть каким-то утешением. Всю сумму страховой выплаты он поместил на свой банковский счет, где хранились семейные сбережения. Сбережения эти были невелики, особенно по московским меркам, но Шаховы привыкли дорожить тем, что имели, и никогда не роптали на судьбу. На образование дочери этих денег должно было хватить; что до излишков, которых не было и пока что не предвиделось, то Ольга Шахова, большая поклонница покойной прорицательницы Ванги, без них не горевала. Ванга говорила, что денег должно быть ровно столько, чтобы хватало на жизнь, и не больше, и жена Михаила свято придерживалась этого правила, тем более что нарушить его им с мужем было бы, мягко говоря, затруднительно. Выплачивать кредит, взятый на покупку квартиры, предстояло еще долго, и казалось чудом, что им вообще удастся хоть что-то откладывать.

Итак, страховка за сгоревшую дачу была получена и помещена в банк седьмого декабря. А уже через неделю, пятнадцатого, попытавшись расплатиться в супермаркете кредитной картой, Михаил Шахов обнаружил, что его банковский счет пуст – на нем осталась какая-то мелочь, которой в обрез хватало на то, чтобы счет не закрыли. Персонал банка только разводил руками, сетуя на хакеров, которые в последнее время совершенно обнаглели. Естественно, возвращать исчезнувшие со счета деньги никто не собирался, поскольку сам факт совершения преступления был недоказуем.

Это уже был удар, по сравнению с которым сгоревшая дача казалась сущим пустяком. Впрочем, Шахов оправился от него довольно быстро. Они с женой были здоровы, неплохо зарабатывали и имели крышу над головой, и это, по его мнению, было главное. Внушить свою точку зрения жене оказалось труднее: понимая, что Михаил, в принципе, прав, она, тем не менее, тяжело переживала потерю.

Жена еще продолжала вздыхать по украденным деньгам, когда буквально за три дня до Нового года фирма, в которой она работала, неожиданно для всех закрылась, и Ольга вместе с другими сотрудниками оказалась на улице с выходным пособием на руках и с выражением полнейшей растерянности на лице, при виде которого у Михаила болезненно сжималось сердце. В тот момент ему показалось, что они дошли до края, и хуже быть уже не может. Увы, как теперь выяснилось, он глубоко заблуждался.

Дымя сигаретой и невидящим взглядом уставившись в голую стену, на которой еще сегодня утром висел новенький плазменный телевизор с метровой диагональю, Шахов пытался понять, в чем причина свалившейся на них полосы неудач. Сгоревшая от короткого замыкания дача, очищенный каким-то ловкачом банковский счет и увольнение жены выглядели разрозненными, никак не связанными между собой событиями. Обворованная квартира стала очередным звеном в цепочке горьких и нелепых случайностей, которые шли друг за другом так густо, что это поневоле наводило на мысль о некоей закономерности. Однако Михаил, как ни старался, не мог увидеть в происходящем никакой логики. Не хакеры спалили дачу, и деньги со счета пропали не в результате короткого замыкания. Фирму, где работала Ольга, закрыли не квартирные воры, и вовсе не мировой финансовый кризис обокрал их квартиру, по-дилетантски взломав дверь фомкой и перевернув все вверх дном. Врагов, которые стали бы мстить ему таким манером, Михаил не имел; следовательно, все эти события не были связаны между собой ничем, кроме проклятого невезения. Видимо, Петр Фомич был прав, когда говорил, что удача – палка о двух концах и что, если где-то прибавилось, в другом месте непременно отнимется...

Петр Фомич был прежним начальником Михаила Шахова, и, когда случайное везение (а может быть, зоркий глаз, развитая интуиция и добросовестное отношение к своим должностным обязанностям) нежданно-негаданно продвинуло его по служебной лестнице, напутствовал подчиненного приведенными выше словами: дескать, гляди в оба, не оступись, с высоты падать больнее...

Михаилу тогда, грешным делом, показалось, что старый служака завидует его успеху. Сейчас эта мысль вернулась, и Шахов задумался: уж не Фомич ли это чудит, вымещая досаду? Профессионал он крепкий, и провернуть все это, включая и фокус с кредитной картой, ему раз плюнуть...

Он немедленно отогнал эту мысль. Во-первых, устроить все это мог любой из его коллег, как бывших, так и нынешних, а во-вторых, настоящий профессионал – это не просто дворовый охламон, овладевший определенным набором навыков, а человек с устойчивой психикой и твердыми жизненными принципами, не позволяющими ему опускаться до мелких пакостей. Мало ли, кто что может! Михаил и сам способен запросто убить человека одним пальцем, но это вовсе не значит, что он бродит по улицам и мочит народ направо и налево – кто не понравился, того и укокошил...

Сигарета, догорев до самого фильтра, обожгла пальцы. Шахов завертел головой, отыскивая взглядом пепельницу – несмотря на царивший в квартире кавардак, бросать окурок на ковер не хотелось, все-таки это был его дом, а не конюшня и даже не гостиница. Вспомнив, что пепельницы здесь нет и быть не может, он встал и, перешагивая через разбросанные вещи, направился на кухню. Окурок с наросшим на нем длинным кривым столбиком пепла он держал над сложенной ковшиком ладонью, как будто щепотка пепла могла хоть что-нибудь добавить к общей неприглядной картине. По дороге пепел все-таки обломился и упал в ладонь; осознав, что валяет дурака, Михаил стряхнул его под ноги и включил на кухне свет.

Воры похозяйничали и здесь, вывернув на пол содержимое шкафчиков и обильно припорошив все мукой, крупами и вермишелью, высыпанными из банок, – видимо, искали припрятанные деньги, которых тут отродясь не было. Кухонный стол, как ни странно, был чист – на нем стояла только пепельница, под которую кто-то подсунул довольно большой конверт из плотной желтой бумаги.

При виде этого конверта успокоившееся было сердце опять тревожно забилось, а рука сама потянулась к пистолету, который в сложившейся ситуации, увы, ничем не мог помочь. Конверт был незнакомый, и то, как он лежал – не валялся, как все остальные вещи в квартире, а именно лежал там, куда его специально положили, – наводило на весьма неприятные размышления. Кто-то, разгромив весь дом, позаботился о том, чтобы очистить кухонный стол и пристроить посреди него этот конверт. А сверху этот кто-то поставил пепельницу – предмет,

который с высокой степенью вероятности мог в первую очередь понадобиться курящему мужчине, который, вернувшись домой, обнаружил, что его нагло обокрали.

Тот, кто положил конверт на стол, для надежности придавив пепельницей, очень хотел, чтобы Шахов заглянул внутрь. Сам Михаил такого желания вовсе не испытывал; желтый конверт вызывал у него страх, словно перед ним находилось взрывное устройство неизвестной конструкции, готовое сработать от малейшего прикосновения.

Не без труда преодолев искушение сунуть конверт в мусорное ведро и сделать вид, что его здесь никогда не было, Михаил присел к столу, пододвинул к себе пепельницу, закурил еще одну сигарету и, наконец, взял конверт в руки. Он был увесистый, плотный, словно внутри лежала какая-то брошюра. Шахов отогнул клапан и, запустив пальцы в конверт, вынул то, что лежало внутри.

Одного беглого взгляда хватило, чтобы понять: время мелких неприятностей прошло. Теперь Михаилу предстояло вспоминать о нем, как о днях безоблачного счастья, поскольку то, что лежало в желтом конверте, уже нельзя было отнести к разряду неприятностей. Это была настоящая катастрофа, и Шахов, хоть убей, не понимал, что ему теперь со всем этим делать.

Он все еще разглядывал содержимое конверта, щурясь от разъедающего глаза сигаретного дыма, когда где-то рядом зазвонил телефон. Михаил вздрогнул, едва не выронив то, что держал в руках, и сквозь зубы помянул бабу в штанах. Беспроводная трубка обнаружилась здесь же, в кухне, на подоконнике – там, где ей быть не полагалось. Шахов взял ее, нажал клавишу соединения и, стараясь говорить, как ни в чем не бывало (ведь это могла звонить жена, а он еще не придумал, как ей обо всем этом рассказать, и стоит ли рассказывать вообще), произнес в микрофон:

– Да, слушаю.

Трубка молчала, в ней слышался только слабый шум и потрескивание статического электричества.

– Говорите, я слушаю! Алло, вас не слышно!

Трубка молчала, и Михаил понимал, что ему не ответят. За последние три недели это был уже пятый или шестой подобный звонок. Но, если раньше он приписывал эти странные звонки неисправностям на линии, ошибкам при наборе номера или простым детским шалостям (когда твоя дочь начинает превращаться из ребенка в девушку, следует быть готовым еще и не к таким проявлениям внимания со стороны мальчишек), то теперь, после получения этого проклятого конверта, все встало на свои места, в том числе и слежка, которая время от времени чудилась ему на протяжении этих злосчастных трех недель.

Чтобы не закричать, он стиснул трубку так, что побелели пальцы, и сдавленным от ярости голосом произнес в микрофон:

– Слушай меня, подонок. Тебе это даром не пройдет. Я тебя из-под земли достану. Я...

В трубке зачастили короткие гудки отбоя. Шахова охватило почти непреодолимое желание со всего маху хватить трубкой о стену, чтобы брызнули пластмассовые осколки, но он сдержался. Эмоции – плохой советчик, особенно в острых ситуациях. А нынешняя ситуация была такой, что острее некуда. Кроме того, телефон еще мог пригодиться – например, чтобы позвонить в милицию. Толку от этого звонка, конечно же, не будет никакого, но и не позвонить нельзя – если оставить все, как есть, его никто не поймет, и в первую очередь жена...

Он с силой провел ладонью по лицу, думая, какими словами станет рассказывать обо всем Ольге, и тут в прихожей негромко стукнула дверь, а затем послышались осторожные, крадущиеся шаги.

Без стука положив на стол телефонную трубку, Михаил Шахов вынул из наплечной кобуры пистолет, встал из-за стола и, хищно сторбившись, на полусогнутых ногах беззвучно заскользил навстречу неизвестности. Его большой палец осторожно взвел курок, указательный, скользнув под предохранительную скобу, нежно обвил спусковой крючок, и поднятое кверху

вороненое дуло медленно опустилось, отыскивая цель своим пустым девятимиллиметровым зрачком.

Глава 2

Миновав узкое жерло низкой прямоугольной арки, во двор медленно, осторожно вполз мощный американский внедорожник. Высокие колеса с шорохом и треском давили смерзшийся грязными буграми снег, включенные по случаю ненастной погоды фары мрачно поблескивали сквозь слой налипшей на них грязи. Забрызганные борта были покрыты белесыми разводами соли, неутомимые «дворники» редкими взмахами удаляли с ветрового стекла сеющуюся с низкого серого неба снежную крупу. Описав широкую дугу по исчерченному глубокими колеями двору, машина остановилась возле прилепившегося к стене кирпичного крылечка, на которое выходила железная дверь. Дверь была черная, основательно облупленная, со сделанной наискосок аэрозольным баллончиком надписью. Буквы надписи были латинские и складывались в нечто неудобочитаемое и, скорее всего, непереводаемое. Правее двери виднелась стеклянная табличка – тоже с надписью, но уже на русском языке. «Частное сыскное агентство “Доберман и К^о”», – было написано там. Под стекло было подсунуто написанное от руки объявление, гласившее: «Прием посетителей производится ТОЛЬКО по предварительной записи».

– Доберман, – прочтя табличку, с неудовольствием произнес сидевший за рулем полноприводного «доджа» смуглый брюнет с крупным носом и густой жесткой щетиной, которая покрывала его щеки почти до самых глаз. – Еврей, что ли?

Его пассажир, шатен лет тридцати, черты и цвет лица которого были чуть более европейскими, одежда – более приличной, а манеры – более светскими, чем у водителя, едва заметно усмехнулся, беря с передней панели тонкую кожаную папку на «молнии».

– Доберман – это не фамилия, а порода собак, – сообщил он. – С хорошим нюхом, острым слухом и большими зубами. Отличные ищейки и сторожа.

– А зачем Руслану ищейка? – удивился водитель.

– А ты сам у него спроси, если такой любопытный, – посоветовал пассажир, поправляя выглядывающий из-под модного полупальто шарф. – Ищейка... Кто тебе сказал, что за этой дверью сидит ищейка?

– Ты, – с легкой обидой напомнил водитель. – И на табличке написано, что это сыскное агентство.

– На сарае тоже много чего написано. А там дрова.

– Э, – сказал небритый водитель тоном человека, утомленного беспредметным спором, и полез в карман за сигаретами.

Его спутник снова усмехнулся, сунул папку под мышку и выбрался из машины, немедленно поскользнувшись на бугристой наледи. «Ледниковый период», – восстановив равновесие, сердито буркнул он и стал осторожно подниматься по скользким ступенькам крыльца. Благополучно очутившись наверху, он подергал ручку. Дверь была заперта, и молодой человек нажал кнопку на панели домофона.

Внутри тесноватого, скудно и убого обставленного кабинета с зарешеченным, сто лет не мытым окошком раздался мелодичный сигнал. Сидевший за захламленным письменным столом невзрачный, неопределенного возраста человек в когда-то дорогом, но основательно выношенном, растянутом на локтях пиджаке перевел взгляд на монитор камеры наружного видеонаблюдения, что примостился на консоли в углу кабинета. На экране виднелось гладко выбритое молодое лицо с немного восточными чертами, слегка напоминавшее знакомую всей России физиономию одного чеченца, ставшего популярным телеведущим. Откинувшись назад и неестественно вывернув шею, хозяин кабинета посмотрел в окно. Сквозь рябое от осенних дождей стекло виднелся стоящий среди ледяных надолбов у крыльца огромный ярко-красный

джип с тонированными стеклами и далеко выдающимся вперед хромированным «кенгурятником».

Человек за столом бросил быстрый взгляд на настенные электрические часы. Клиент, как и было оговорено по телефону, явился один и в строго назначенное время – разумеется, если это был именно клиент, а не очередной охотник за головой Бориса Олеговича Лесневского. Типов, которые спали и видели прибывшую к своим дверям дряблую шкуру Бориса Олеговича во все времена было хоть отбавляй, и осторожность всегда и во всем давно стала неотъемлемой частью его натуры.

Выдвинув средний ящик стола, Борис Олегович достал оттуда тяжелую «беретту», оттянул ствол, досылая патрон, и положил взведенный пистолет на место, оставив ящик выдвинутым. Он вовсе не принадлежал к той разновидности homo sapiens, которые повсюду таскают с собой пистолет и тычут им в кого попало. Не являлся он и коллекционером, ловящим кайф от солидной тяжести огнестрельного оружия. Свойственные орудиям убийства скрытая мощь и хищная, смертоносная красота оставляли Бориса Лесневского равнодушным; для него пистолет был просто удобным, эффективным инструментом, призванным охлаждать пыл некоторых не в меру бойких посетителей.

Закончив приготовления, он нажатием кнопки открыл электрический замок входной двери, откинулся на спинку старого вертящегося стула с массивной стальной станиной и скрипучим дерматиновым сиденьем и придал своей одутловатой физиономии выражение вежливого ожидания.

Ждать пришлось недолго. В прихожей клацнул электромагнит замка, и стало слышно, как посетитель топает, сбивая с подошв налипший снег. Вскоре он появился на пороге кабинета – высокий, широкоплечий, со спортивной фигурой и гладким самоуверенным лицом. В руке у него была тонкая кожаная папка на «молнии», на лацканах короткого модного пальто таяли снежинки. По случаю пасмурного дня в кабинете горел свет, и мелкие капельки талой воды сверкали в темных волосах посетителя, как карнавальные блестки. Темные глаза смотрели холодно и внимательно, и на какой-то миг Борис Олегович вдруг преисполнился уверенности, что этот человек видит лежащий в ящике стола пистолет – видит, но не придает этой детали никакого значения, как будто заряженный ствол пугает его не больше, чем канцелярский дырокол.

– Господин Лесневский? – осведомился посетитель тем слегка пренебрежительным тоном, каким добившиеся успеха выскочки разговаривают с теми, кого относят к разряду обслуги. – Вас должны были предупредить о моем визите.

– Конечно, – улыбнулся Борис Олегович. – Присаживайтесь, господин... э...

Проигнорировав намек на то, что было бы недурно назвать себя, молодой человек уселся на стул для посетителей, непринужденно забросил ногу на ногу и положил на колено папку. Ботинки у него были модные и отменно вычищенные; с того, который в данный момент висел в воздухе, капала, собираясь в грязноватую лужицу, талая вода.

– Чай, кофе? – любезно предложил Лесневский. То, что посетитель не пожелал представиться, его не обескуражило: клиенты частенько предпочитали сохранять инкогнито.

– Не стоит затрудняться, – с едва уловимым акцентом отказался молодой человек. – Давайте перейдем к делу. А у вас небогато, – заметил он, окинув цепким взглядом обтрепанные, выцветшие обои, потолок с желтоватыми разводами и дряхлые стеллажи, захламленные картонными папками, разрозненными мятыми листами бумаги и иной макулатурой, которой с виду было самое место на помойке.

– Скромность украшает, – с любезной улыбкой ответил Борис Олегович, – а в разгар мирового финансового кризиса она еще и весьма полезна. Не все то золото, что блестит. К делу так к делу. Какого рода услуга от меня требуется? Вы подозреваете свою жену в неверности?

Утратили доверие к деловому партнеру? Можете быть со мной вполне откровенны. Частный сыщик, как и врач, обязан свято хранить профессиональную тайну.

– Вы забыли упомянуть адвоката, – нейтральным тоном заметил посетитель.

Борис Олегович поиграл бровями, кашлянул в кулак.

– Навести обо мне справки – дело нехитрое, – сказал он наконец. – Тем более что охотников бросить в человека ком грязи во все времена было сколько угодно. Вот похвалить – это сложнее, на это не у каждого хватит духу. Стало быть, вы более или менее в курсе некоторых подробностей моей биографии. Что ж, мне стыдиться нечего. Я просто, как мог, помогал своим клиентам...

– Некоторые из них утверждают, что лучше вскрыть себе вены осколком бутылки, чем откровенничать с вами, – сообщил посетитель. – Поэтому давайте лучше оставим разговор о профессиональной этике и прочих страшных вещах.

– Вы навели обо мне справки, – со значением повторил Лесневский, – и, судя по вашему тону, не испытываете ко мне уважения. И, тем не менее, явились именно сюда. Сказать, почему?

– Некоторые вещи лучше не произносить вслух, – сказал посетитель. – Язык – он ведь не только до Киева может довести. Я предлагаю вам необременительную и вместе с тем хорошо оплачиваемую работу – вот все, что вам следует знать обо мне и моих мотивах. Вы просто встретитесь с одним человеком, скажете ему буквально несколько слов, и на этом ваша миссия будет окончена.

– Хороши, наверное, слова, раз вам для этого разговора нужен посредник, – проворчал Борис Олегович.

– Слова самые обыкновенные, – заверил посетитель, расстегивая папку. – Скажете примерно то же, что я сейчас говорю вам: что ему предлагают работу – нетрудную, но очень хорошо оплачиваемую. Подробности ему сообщат позднее, ваше дело – получить принципиальное согласие.

– Или по морде, – задумчиво добавил Лесневский.

– Это вряд ли, – успокоил его посетитель. – С ним провели кое-какую предварительную работу, так что...

– Стоп, – выставив перед собой ладонь, решительно объявил Борис Олегович. – Похоже, подробности мне действительно ни к чему. А что будет, если он откажется?

– На размер вашего гонорара это не повлияет. Делайте свое дело, остальное – не ваша забота. Вот инструкции.

Он положил на стол перед сыщиком (Борис Олегович не любил иностранное слово «детектив» и всегда именовал себя его русским синонимом «сыщик») лист бумаги, на котором было всего несколько строк, отпечатанных на бытовом принтере. Лесневский пробежал написанное глазами, и его брови удивленно приподнялись.

– Ого, – сказал он. – Два миллиона евро в оффшорном банке и гарантированный выезд в любую страну по выбору клиента – это впечатляет! А я для вашей работы не сгожусь?

– Не сгодитесь, – ответил посетитель.

– Я почему-то так и думал. Более того, я этому даже рад. Сдается мне, что эта работа крайне вредна для здоровья.

– Неумение держать язык за зубами может оказаться еще вреднее.

Борис Олегович понимающе усмехнулся.

– Ну, разумеется... Только, знаете ли, молчание – золото.

– Разумеется, – в тон ему согласился посетитель. – Ваш гонорар составит...

Взяв со стола чистый листок бумаги и ручку, он попытался что-то написать, но тщетно – в ручке пересох стержень. Борис Олегович с готовностью выхватил из внутреннего кармана пиджака другую, щелкнул кнопкой и протянул ее посетителю. Тот бросил на него короткий

взгляд, как бы удивляясь тому, что в наше время кто-то еще ухитряется вести дела подобным образом и при этом оставаться на плаву, быстро написал на бумаге сумму с четырьмя нулями и показал написанное Лесневскому. Тот немного подумал, демонстративно уставившись в потолок, а потом отобрал у посетителя бумагу и ручку и аккуратно подрисовал к пятизначному числу округлый, пузатенький, как он сам, нолик.

– Так будет надежнее, – сказал он, возвращая листок посетителю.

– А заворот кишок не случится? – утратив при виде такой наглости часть своего светского лоска, поинтересовался тот, изучив внесенные Борисом Олеговичем поправки.

– У меня отменное пищеварение, – заверил его Лесневский. – Ведь вам нужны гарантии конфиденциальности, верно? Вот и мне хочется себя как-то обезопасить. Или хотя бы знать, что я рискую не напрасно. А вдруг эта ваша предварительная работа даст совсем не тот результат, на который вы рассчитывали? Я явлюсь на встречу с клиентом, а меня там возьмут за штаны. И что, по-вашему, за те жалкие гроши, которые вы мне предлагаете, я стану молчать? Правда, рассказать, в случае чего, я смогу немного, но ведь нашим органам дай только ниточку! Поверьте, в них работают не одни дураки.

– Вы меня разочаровываете, – с ноткой угрозы сообщил посетитель. – Работать еще не начали, а уже пытаетесь шантажировать.

– Это вы меня разочаровываете, – живо возразил сыщик. – Какой шантаж?! Это еще надо разобраться, кто здесь кого шантажирует. Смотрите, что получается. Вы ведете с кем-то так называемую «предварительную работу» – то есть, как я понимаю, прессиуете человека, рассчитывая получить от него нечто, чего он вам по своей воле не отдаст. Вступать с ним в переговоры сами вы не хотите – боитесь быть пойманным, не иначе, – и нанимаете для этого меня. Следовательно, дело в высшей степени незаконное и, судя по указанной в вашей инструкции сумме, достаточно серьезное, чтобы у меня были основания опасаться за свою шкуру. Это, в свою очередь, предполагает серьезный гонорар, а вы мне суете подачку, значительно хмурите брови и намекаете, что можете сделать мне больно. Или мы будем разговаривать, как серьезные люди, или наймите мальчишку, который моет ветровые стекла на перекрестке. Ведь вам нужен умелый посредник и надежный курьер, верно? Человек, который, в случае чего, сумеет заговорить зубы не только клиенту, но и ментам, и судебным органам, и вообще кому угодно... Верно? Так вот, я перед вами, и лучшего вам не найти. Прикончите меня – окажетесь в довольно щекотливом положении человека, совершившего тяжкое, а главное, решительно бесполезное преступление. Ну, так как же?

– А вы рвач, – с оттенком уважения заметил посетитель.

– А кто в наш меркантильный век не рвач? – пожал плечами сыщик.

– Будь по-вашему, – вздохнул клиент и, порывшись в папке, выложил на стол фотографию человека лет тридцати пяти или сорока, со скуластым лицом, квадратным подбородком и короткой темной челкой. – Вот тот, с кем вам предстоит встретиться.

Борис Олегович задумчиво взгляделся в фотографию.

– А он выглядит твердым орешком. Скажите, а какова вероятность того, что он захочет пересчитать мне ребра?

– Такая вероятность невысока, – сказал посетитель.

– Но она есть, – полувопросительно добавил Лесневский.

– Вы запросили очень приличную сумму, – напомнил посетитель. – Подумаешь, ребра!

– Вы молодой, – вздохнул Лесневский, – вам этого не понять. Впрочем, вы правы, дело того стоит.

– Кроме того, целость ваших ребер зависит только от вас. Вы же мастер ведения переговоров! – польстил хозяину молодой человек, думая при этом, что господин Лесневский напрасно назвал свое агентство «Доберман и К⁰». На добермана он ничуть не походил; если он кого и напоминал, так это старого, разжиревшего хорька – правда, с бульдожьей хваткой.

Разумеется, говорить этого вслух молодой человек не стал, как и сам Борис Олегович, который тоже был о посетителе не слишком высокого мнения. Этот лохотронный кавказец в модной одежде был не более чем шестеркой, действующей по приказу хозяина. Конструкция вырисовывалась сложная, многоступенчатая; от нее очень дурно пахло, и частный сыщик Лесневский, который обладал отменным нюхом на неприятности, испытывал огромное искушение отказаться от участия в этом деле. Но с деньгами у него было туго – так туго, как не бывало уже давненько. Агентство, единственным сотрудником которого являлся сам Борис Олегович, стояло на грани финансового краха, и он, подавив вздох, решил, что в разгар мирового финансового кризиса такими суммами, как та, что была написана на лежащей с краю стола бумажке, не бросаются.

– Так мы договорились? – осведомился посетитель.

Борис Олегович вздохнул и несильно хлопнул ладонью по крышке стола.

– Да, – сказал он решительно, – договорились. Я возьмусь за ваше дело. Надо же, до чего я докатился – на старости лет стал мальчиком на побегушках!

– Хороши побегушки, – усмехнулся молодой человек, снова принимаясь рыться в папке. Глаза у Лесневского замаслились, но вместо ожидаемого конверта с деньгами из папки появился дешевый мобильный телефон. – Вот, – сказал посетитель, кладя телефон на стол, – отдадите ему это.

– Зачем?

– Для связи, разумеется. Не задавайте глупых вопросов!

– То есть, предполагается, что его телефон прослушивают, – сообразил сыщик, снова подумав, что дело пахнет керосином.

– Не исключено. Это что-нибудь меняет?

Борис Олегович невесело усмехнулся. Тот факт, что телефонные разговоры потенциального клиента прослушивались либо милицией, либо спецслужбами, был всего лишь второстепенной деталью, как и все то небольшое, что носатый посетитель счел нужным ему сообщить. По сравнению с предлагаемой клиенту суммой это был сущий пустячок, который действительно ничего не менял. «К черту, – подумал Лесневский, – чего я боюсь? В конце концов, с меня взятки гладки. Я действительно ничего не знаю. Меня попросили кое-что передать человеку на словах и заплатили за услугу – сколько именно, никого не касается, это мое личное дело, не подпадающее ни под одну из статей уголовно-процессуального кодекса. Пугать и требовать у него денег я не стану, да меня об этом никто и не просит, а стало быть, ничего противозаконного в моих действиях не будет...»

– Ничего, – согласился он, рассеянно подбрасывая на ладони дешевый аппарат с монохромным подслеповатым дисплеем. – Это действительно ничего не меняет.

– Вот и отлично, – кивнул молодой человек, вслед за телефоном наконец-то извлекая из папки вождеденный конверт. – Это аванс.

Приняв конверт, Лесневский без стеснения заглянул под клапан, наугад вытащил одну купюру и придирчиво изучил ее с обеих сторон, а потом, выдвинув верхний ящик стола, проверил в ультрафиолете. С виду купюра была подлинная, но Борис Олегович дал себе слово не далее как сегодня зайти в банк и проверить всю сумму, бумажку за бумажкой, всеми мыслимыми способами.

Судя по размерам аванса, гонорар ему изначально предполагалось выплатить куда более высокий, чем тот, которым пытался отделаться от него сидевший на стуле для посетителей проходимец. Высказываться по этому поводу Борис Олегович не стал: в данный момент ему было достаточно того, что он не дал обвести себя вокруг пальца. А дальше будет видно. Любое дело, за которое ты берешься – это дорога, а дорога, как верно подметил писатель Толкиен, имеет свойство уводить все дальше и дальше – порой гораздо дальше и совсем не туда, куда ты изначально намеревался попасть. Возможно, кривая тропка, на которую только что ступил

Борис Лесневский, приведет его к хозяину этого лощеного сопляка, и тогда ему представится случай разом отыграться за все – и за неуважение к старшим, и за попытку кинуть на деньги... Впрочем, по зрелом размышлении Борис Олегович пришел к выводу, что встречаться с этим таинственным хозяином ему не резон – бог с ними, с мелкими обидами, жизнь дороже.

– Все в порядке? – с легкой насмешкой осведомился посетитель, искоса наблюдавший за его манипуляциями с купюрой.

– Это я еще проверю, – сообщил ему Лесневский. – Простите, конечно, но я не настолько богат, чтобы работать даром.

– Можете не затрудняться, – сказал посетитель, вставая и беря под мышку папку. – Деньги настоящие.

– Дай-то бог, – сказал Борис Олегович.

– До свидания, господин Лесневский. Думаю, предупреждение о недопустимости двойной игры было бы излишним.

– Я тоже так думаю. Всего вам доброго.

Когда за посетителем закрылась дверь, владелец и единственный сотрудник частного сыскающего агентства «Доберман и К^о» Борис Олегович Лесневский бросил взгляд на изображение его удаляющейся спины на мониторе камеры наружного наблюдения, а потом, встав из-за стола, выпянул в окно. Красный «додж» завелся и, хрустя смерзшимся снегом, волоча за собой длинный шлейф белого пара из выхлопной трубы, покатился к арке, что вела на улицу. Борис Олегович смотрел ему вслед, пока машина не скрылась из вида, а затем, вернувшись к столу, записал на листке бумаги регистрационный номер.

После этого он заварил себе стакан крепкого чая и стал, шумно прихлебывая, внимательно разглядывать фотографию человека, с которым ему предстояло встретиться.

* * *

Михаил Шахов стоял, прижавшись лопатками к стене, за углом прихожей, с пистолетом в руке и с холодной решимостью без раздумий пустить его в дело. Он был спокоен – ровно настолько, насколько вообще можно быть спокойным в подобной ситуации. Ему доводилось стрелять в людей, это было частью его работы – не самой любимой, но привычной и не слишком обременительной. Те люди, двое или трое, которых он застрелил после того, как вернулся из Чечни, не сделали ему лично ничего плохого – в отличие от того, кто в данный момент шаркал подошвами и трещал разошедшимся паркетом в двух шагах от входной двери. Правда, тех людей он убил по приказу, что автоматически слагало с него всякую ответственность, а этого собирался продырявить по собственной инициативе – только в том случае, естественно, если ему дадут для этого повод. Наилучшим поводом стал бы пистолет в руке взломщика или что-нибудь, хотя бы отдаленно на него похожее, но на худой конец сошло бы и просто плохое поведение – резкое движение, например, или грубое слово. А остальное – дело техники. Четверть часа ходьбы или три минуты на машине до гаража, забрать из тайника незарегистрированный «кольт», снятый когда-то с тела арабского наемника. Потом еще столько же на обратную дорогу. Тщательно удалить с «кольта» отпечатки своих пальцев, вложить его в ладонь убитого взломщика, и дело в шляпе: убийство совершено в пределах необходимой самообороны. Дело закрыть за отсутствием состава преступления, тело предать земле...

Правда, это будет незаконно, но что с того? А грабить чужие квартиры законно? А шантажировать людей, доводя до самого края – законно? Э, да что там! Бывают ситуации, когда закон побоку, и счастлив тот, кому не довелось прочувствовать это на собственной шкуре.

Он понял, что ищет оправдание убийству, которое замыслил, и тихонько заскрипел зубами. Самоконтроль, будь он неладен! Это все равно что ездить на машине с затянутым стояночным тормозом: расход топлива громадный, износ ходовой части страшный, рева и дыма

много, а толку чуть. Ну, хочешь убить – убей, если тебе так уж невтерпеж. А если сомневаешься, лучше не берись за оружие, не то, пока будешь взвешивать «за» и «против», его у тебя отнимут и пристрелят тебя из твоего же ствола...

Михаил вспомнил желтый конверт, что все еще лежал на столе в кухне, и даже зажмурился от накатившей слабости. Времена, когда он мог делать выбор, остались позади; теперь выбирали за него, и любое проявление свободы воли с его стороны могло закончиться катастрофой. Тут ему подумалось, что выстрел, который ему так хочется сделать, тоже может привести к крайне нежелательным последствиям. Его загнали в угол, обложили со всех сторон; ему дали понять, что он находится в чужой власти, но чья это власть и что нужно этому человеку от Михаила Шахова, его проинформировать не удосужились. Так, может быть, тот, кто сейчас топчется в прихожей, за этим и пришел?

– Эй, хозяева! – подтверждая его догадку, позвал мужской голос. – Есть кто дома?

Михаил одним стремительным и плавным движением переместился на середину прихожей, наведя пистолет в лоб человеку, который стоял в метре от распахнутой настежь входной двери.

– Опаньки, – сказал человек, поднимая руки.

На плече у него висела объемистая спортивная сумка, и в первый момент Михаил решил, что это один из воров вернулся забрать что-то забытое – телефон, например, или еще что-нибудь, – и что в сумке у него лежит награбленное. Он тут же отверг это предположение как совершенно абсурдное, а в следующее мгновение узнал человека, в которого целился. Это был его сосед по лестничной площадке – тот самый стриженный амбал, которого Аня прозвала Громозекой.

Впрочем, откровенно бандитская физиономия Громозеки и вульгарная кража со взломом монтировались друг с другом так, что лучше не придумаешь.

– Без фокусов, – предупредил Шахов. – Пристрелю, как собаку. В сумке что? Показывай!

Сосед пожал широченными плечами, опустил руки и снял с плеча ремень сумки. Он выглядел спокойным – то ли потому, что не имел отношения к краже, то ли зрелище направленного в лоб пистолета его не пугало. Бывают такие люди, в силу врожденной недалекости уверенные, что с ними лично ничего плохого произойти не может. А самое странное, что с ними, как правило, действительно никогда ничего не происходит.

Держа сумку за уголок, Громозека раздернул «молнию» и вытряхнул содержимое на пол. На паркет упало несколько мятых тряпок, среди которых Михаил разглядел скомканные носки. Поверх тряпок шлепнулись сильно поношенные кеды; по прихожей начал распространяться густой, душливый запах застарелого пота. Разведя края перевернутой сумки в стороны, Громозека пару раз сильно ее потрянул, но больше оттуда ничего не выпало.

– Ты откуда здесь? – спросил Михаил, продолжая держать соседа под прицелом.

– Откуда, откуда... С площадки, – вполне логично ответил тот, разглядывая пистолет. – Ух ты, «Ярыгин»! Настоящий? Дай поглядеть!

– А может, сразу попробовать? – предложил Шахов. – Учти, стреляю я неплохо.

– Ну-ну, ты чего? – заволновался Громозека. – Я ж по-соседски! Вернулись с тренировки, глядим – дверь открыта и, вроде, взломана. Я жену домой отправил, а сам к тебе – мало ли...

– С какой еще тренировки?

– Да из фитнес-клуба! Мы там тренерами – я по железу, она по аэробике всякой...

Шахов посмотрел на разбросанные по полу, насквозь пропотевшие тряпки. Фитнес-клуб – это было алиби. «Железное», – подумал он, невесело усмехнувшись невольному каламбуру. Громозека наверняка говорил правду. Если он участвовал в краже, такая бездарная, легко поддающаяся проверке ложь не имела смысла, а если не участвовал, то и лгать ему было незачем.

Да и лицо у него, если присмотреться, было вовсе не бандитское – вернее, такое же бандитское, как у самого Михаила и у половины его коллег. Это была самая обыкновенная физио-

номия – круглая, простодушная, сероглазая и слегка конопатая. А что не обезображена печатью интеллекта, так это вполне прощительно – все-таки тренер по фитнесу, а не аспирант...

– Ясно, – сказал Михаил, поставил пистолет на предохранитель и сунул в кобуру. – Извини. Нервишки что-то расшалились.

– Понимаю, – с любопытством зеваки заглядывая в гостиную, протянул сосед. – Вот суки! Много взяли?

– Для меня – много.

– Понимаю, – повторил Громозека и, присев на корточки, начал как попало записывать в сумку свое спортивное барахло. – Сначала мы были бедные, а потом нас обокрали... Да, знакомая история.

– А тебя тоже обворовывали? – с вялым интересом спросил Шахов.

– Да с полгода назад клуб обнесли. Оргтехника, личные вещи, сейф обчистили... Не столько того убытка, сколько противно – пришли какие-то уроды, натоптали, нагадили и ушли. А менты только руками разводят: где ж, мол, их теперь искать? А может, это вы сами – ну, типа, чтобы страховку получить?

– Так и не нашли?

– Нет, почему же, нашли... В конечном итоге.

Громозека с ненужной силой задернул «молнию» и поднялся с корточек, держа сумку за ремень. На его широкой добродушной физиономии были написаны сочувствие и досада. Глядя на него, Михаил испытал странную смесь противоречивых чувств облегчения и разочарования. Было приятно, что сосед оказался вполне приличным человеком, тренером по бодибилдингу, а вовсе не бандитом. А с другой стороны, Шахову от этого легче не становилось: появление в квартире Громозеки с его набитой пропотевшим тряпьем сумкой ничего не проясняло. С таким же успехом сюда мог забрести кто-то другой. Разговор, который должен был расставить все по своим местам, откладывался на неопределенное время. Михаил Шахов не хотел и боялся этого разговора, однако оставаться в неведении еще хуже. К тому же, было предельно ясно, что остаться в неведении ему не дадут; ситуация катилась под уклон, как пущенный с горки железнодорожный состав, и остановить события, спрятав голову в песок, Михаил не мог. Оставалось только ждать следующего хода противника; это напоминало отложенный визит к дантисту, когда ожидание неприятной процедуры становится хуже зубной боли.

– Ты вот что... – сказал Громозека, перекладывая сумку из руки в руку. – Тебя как звать-то?

– Михаил, – представился Шахов.

– А я Алексей. Леха, значит. Ну, будем знакомы.

– Будем.

Они пожали друг другу руки. Никто не сказал «очень приятно», поскольку в сложившейся ситуации это прозвучало бы странно. Громозека вынул пачку сигарет, угостил Шахова, и они дружно задымили. Михаил поглядывал на соседа, гадая, почему тот не уходит. Отброшенные было подозрения в его адрес вернулись: Громозека явно хотел что-то сказать, но почему-то медлил. Уж не потому ли, что опасался реакции Шахова на свои слова? Пистолет-то он видел, вот и колеблется...

– Слушай, – сказал Алексей-Громозека, – ты только не обижайся...

– Мне-то чего обижаться? – удивился Шахов. – Это ж не в меня за здорово живешь стволом тыкали...

– Да я не об этом, – отмахнулся сосед. – Я спросить хотел: ты, часом, не мент?

«Не совсем», – хотел ответить Михаил, но привычно прикусил язык, ограничившись тем, что отрицательно покачал головой.

– А то я гляжу, ствол у тебя под мышкой...

– Не мент и не бандит, – успокоил его Шахов. – И ствол у меня газовый. А что?

Они прошли на кухню, где осталась пепельница. Здесь Михаил первым делом переложил со стола на подоконник желтый конверт, постаравшись сделать это как можно непринужденнее. Начатая бутылка водки в холодильнике осталась нетронутой ворами; Шахов отыскал рюмки, наполнил их и подвинул одну Громозеке.

– Я, вообще-то, не употребляю, – неуверенно сообщил тот. – Хотя ради такого случая – за знакомство и вообще...

– Угу, – поднимая свою рюмку, промычал Шахов сквозь зубы, в которых был зажат окурочок. – И вообще. Надо помянуть мое личное имущество. Светлая ему память!

– Аминь, – сказал Громозека и выпил залпом. – Я почему тебя насчет работы-то спросил... Ты им звонить будешь?

– Ментам? Да надо, наверное. Вроде, порядок такой: обокрали тебя – вызывай милицию. Хотя толку от этого, по-моему, не будет.

– И мне так кажется, – кивнул Громозека, ввинчивая в доньшко пепельницы окурочок. – Позвонить, конечно, надо, но на твоём месте я бы на них не рассчитывал.

– Ты-то что против них имеешь? – спросил Михаил, снова наполняя рюмки. – Сам же говоришь, они вашу оргтехнику нашли, когда клуб обворовали...

– Держи карман шире – они! – пренебрежительно махнул широкой, как лопата, ладонью Громозека. – Они дорогу в сортир не найдут, когда по большому приспичит, а ты – оргтехника... Я потому и спросил, не мент ли ты часом, что могу наводку дать на... как бы это сказать... в общем, на одну конкурирующую организацию.

– Мне с братвой связываться должность не позволяет, – сказал Шахов. – Пронюхают – в два счета с работы вылечу. Так что извини, оставь свою наводку при себе.

– Да при чем тут братва? – Громозека расстегнул свою теплую спортивную куртку, выставив напоказ широченную, выпуклую, как наковальня, грудь, туго обтянутую вязаным свитером. – Частное сыскное агентство, понял? Так четко ребята работают, что я, не поверишь, залюбовался. В два счета этого гада вычислили. Свой же навел, менеджер. Менты, заметь, его тоже крутили, да ничего не выкрутили, а эти – раз-два, и готово. Приперли к стенке, как миленького, все вещи вернули и ментам его передали со всей доказухой и с чистосердечным признанием. А те даже спасибо не сказали. Зачем, говорят, под ногами у органов путаетесь? Мешаете только...

– Угу, – повторил Шахов, салютуя ему рюмкой.

Он и сам относился ко всякого рода частным детективам с предубеждением: все они представлялись ему специалистами по слежке за людьми, всегда готовыми за деньги рыться в чужом грязном белье. Но сейчас в словах соседа чудился кое-какой резон. Звонок в милицию означал попадание его имени в сводку происшествий по городу; это вряд ли могло понравиться его начальству, не говоря о тех людях, которые уже не первую неделю с неизвестной целью давили на него со всех сторон.

Он почувствовал, что начинает путаться в своих рассуждениях, и разозлился: такая нерешительность была ему несвойственна. Но, с другой стороны, раньше в острых ситуациях он действовал по приказу, согласно инструкции и, если уж говорить высоким стилем, по велению долга. А сейчас он остался один на один с неизвестным противником, не зная, с какой стороны ждать следующего удара. Тут поневоле растеряешься...

Громозека уже копался в бумажнике, перебирая хранившиеся в боковом отделении визитки. Достав одну, он протянул ее Михаилу со словами:

– Вот, позвони им. Они помогут. В любом случае, хуже не будет.

– Да уж, хуже некуда, – вздохнул Шахов, разглядывая картонный прямоугольник визитки. – Хм, знакомая фамилия, да и имя тоже... Был у меня такой приятель. Правда, давненько.

– Так это ж еще лучше! – обрадовался Громозека. – Глядишь, по старой дружбе цену скостит, а то их услуги, знаешь, кусаются...

– Это вряд ли, – снова вздохнул Михаил. – Тот парень давно умер. Погиб.

– Жалко, – сказал Громозека. – Ну, земля ему пухом.

Они выпили, и Алексей засобирался домой, говоря, что жена, наверное, уже начала волноваться и наверняка устроит ему головомойку за то, что, заглянув на минутку к соседу, он застрял на добрых полчаса, да еще и ухитрился заложить за воротник. Напоследок он вызвался быть свидетелем, когда приедет милиция. Михаил спросил, какие, собственно, показания он намерен дать, и Громозека, не найдя ответа, промямлил только: «Ну, так, вообще...» Похоже, «вообще» было его любимым словом, вставляемым чуть ли не в каждую фразу.

Проводив соседа, Михаил выкурил сигарету, задумчиво вертя в руках оставленную им визитку. За окном окончательно стемнело; ночь была вдоль и поперек прошита рядами освещенных окон и цепочками уличных фонарей. Автомобильные фары кромсали ее на куски, но темнота снова смыкалась, лениво проглатывая красные точки габаритных огней. Лежащие на полу, припорошенные мукой стенные часы продолжали размеренно тикать, отсчитывая секунды. Стрелки показывали начало девятого. «Попытка не пытка», – подумал Михаил. По московским меркам восемь вечера – время не позднее. Правда, в офисах в это время, как правило, уже никого нет, но что он потеряет, если попробует это проверить?

Желтый конверт не влезал ни в один карман, и Михаилу пришлось, расстегнув рубашку, сунуть его за пазуху. Он неприятно колотся уголками, все время напоминая о себе. Застегнувшись на все пуговицы, Михаил нахлобучил шапку и вышел из квартиры, даже не взглянув на оставшийся лежать на подоконнике радиотелефон.

Глава 3

Выключив компьютер, Сергей Дорогин встал из-за стола и с наслаждением потянулся всем телом – так, что хрустнули суставы, а по затекшим от долгого бездействия мышцам прошла приятная судорога. В пустом офисе стояла ватная тишина, нарушаемая лишь тиканием часов, сквозь матерчатые планки вертикальных жалюзи в кабинет заглядывала незаметно сгустившаяся темнота. Заключенный в матовый колпак фонарь на противоположной стороне улицы сиял во мраке, как полная луна, и сыплющийся с невидимого неба мелкий сухой снег создавал вокруг него туманный мельтешащий ореол.

Дорогин покосился на молчащие телефоны и, не устояв перед искушением, скорчил им рожу. Уборщица уже ушла, о ее недавнем присутствии напоминали только влажные разводы на девственно чистом полу да непривычный порядок, какого никогда не увидишь в офисе в разгар рабочего дня.

Часы показывали четверть девятого. Можно было надеяться, что дорожные пробки в центре уже рассосались, а значит, ничто не мешало Дорогину обесточить помещение, запереть дверь и, включив охранную сигнализацию, отправиться к родным пенатам. Впрочем, с таким же успехом к пенатам можно было и не отправляться, поскольку там его сегодня никто не ждал: Тамара уехала на старый Новый год к какой-то пожилой родственнице, обитавшей в небольшом поволжском городишке. Этот визит, по поводу которого Сергей накануне отъезда произнес довольно пространную и эмоциональную речь, являлся чем-то вроде превентивного удара. Решение было принято после того, как упомянутая родственница второй раз за две недели позвонила Тамаре, жалуясь, что соскучилась. Сие означало, что над семейством Дорогиных сгущаются тучи, и Тамара, как верная жена, добровольно вызвалась закрыть эту амбразуру своим телом – в конце концов, родственница была ее, и все красноречие Дорогина, возражавшего против этой поездки, разбилось об один коротенький, заданный самым кротким и невинным тоном вопрос: «Ты что, хочешь, чтобы она приехала сюда?»

После этого Сергею осталось только «выбросить белый флаг» и отвезти жену на вокзал. Он ходил в холостяках уже третьи сутки, и ему это успело порядком надоесть. Тамара звонила ежедневно; сегодня утром она объявила, что устала от родственного общения, как ломовая лошадь, и что принесенная ею на алтарь семейного благополучия жертва требует вознаграждения. «Я все придумала, – заявила она не терпящим возражений тоном. – Вот вернусь, и мы сразу закатимся в круиз по Нилу».

Дорогин уклонился от прямого ответа, за что был обозван старым сундуком. Впрочем, по голосу чувствовалось, что Тамара не сердится, и он знал, почему. За годы совместной жизни она успела неплохо изучить мужа, что давало ей возможность умело им манипулировать. Как всякий человек, в силу обстоятельств вынужденный проявлять повышенную активность, Сергей Дорогин со временем стал тяжел на подъем, и вытащить его из дома не по работе, а забавы ради было очень нелегко. Мир он повидал, полученных впечатлений ему хватало с избытком (и едва ли не каждый рабочий день приносил новые), так что к активному отдыху он вовсе не стремился. Что же до лежания на пляже, то он неоднократно заявлял, что лежать на диване и мягче, и удобнее, и безопаснее, а главное – дешевле. А если захотелось искупаться, ванна всегда под боком – полезай в нее и мокни, сколько угодно. Что? Море? Ах, да, конечно! Действительно, прежде чем лезть в ванну, туда надо высыпать пакет морской соли...

Тамара с этими его заявлениями не спорила, понимая, что ему нужно время на переваривание ее очередной идеи. Она просто ждала, и в подавляющем большинстве случаев ее ожидание было не напрасным: сказав решительное «нет», Дорогин уже через полчаса начинал об этом жалеть. Потом ему приходило в голову, что было бы недурно сменить обстановку, временно сделаться недосыгаемым для клиентов и сотрудников, врагов и друзей – словом,

для всех, кроме любимой женщины, которая, помимо всего прочего, проводит в его обществе меньше времени, чем любой из оперативников сыскного агентства «Ольга». Эта мысль мигом пускала в сознании корни, разрасталась, крепла, и самое большее через неделю после первого разговора Дорогин являлся к Тамаре с повинной головой и с двумя путевками в кармане.

Так, судя по всему, должно было случиться и на этот раз. На протяжении дня воспоминание об утреннем телефонном разговоре с женой то и дело всплывало в памяти, и постепенно эта идея – потеряться недельки на две, отключить телефоны и выбросить из головы все заботы – начала казаться заманчивой.

Дорогин закурил и, присев на краешек стола, попытался спокойно все обдумать. В отпуске он не был уже давненько, ничего экстраординарного в агентстве пока что не происходило, а если бы вдруг и произошло, что с того? Плох тот начальник, который не может положиться на своих подчиненных и волочет всю работу на своем горбу.

Он потушил сигарету в чистой пепельнице и потянул со спинки стула пиджак. Надо было собираться домой. Или не надо? Может, в самом деле, не ездить? Чего он не видал в пустой квартире? Диван и телевизор имеются и здесь, в офисе; в баре полно выпивки на любой вкус, припасенной для клиентов, а в холодильнике найдется, что перекусить. А если перекус на скорую руку кого-то не устраивает, можно прогуляться за угол и поужинать в кафе, а то и закатиться в ресторан...

Эта идея пришла ему по вкусу, тем более что, заночевав здесь, он будет избавлен от необходимости с утра пораньше отправляться на работу, а значит, сэкономит и время, и бензин, и нервные клетки, которые в противном случае были бы потрачены на то, чтобы прорваться к офису через многочисленные пробки. А ужинать так или иначе придется вне дома – готовить лень, да и не из чего, а перекусывать всухомятку надоело...

Приняв решение, Дорогин повеселел и стал натягивать пиджак с твердым намерением отправиться в кафе и плотно наесться на ночь. Мало ли, что врачи не рекомендуют! Покажите мне человека, который правильно питается, и это почти наверняка окажется бездельник, которому нечем заняться, кроме своего драгоценного здоровья. И потом, некоторые – не диетологи, а просто умные и, что характерно, совершенно здоровые люди, – утверждают, что есть надо только то и только тогда, когда и чего тебе хочется. Потому что все наши болезни не от еды, а от нервов...

Он открыл стенной шкаф и потянулся за пальто, и тут у него за спиной зазвонил один из телефонов. Дорогин вздрогнул, как от выстрела, и обернулся. Телефон продолжал звонить; судя по звуку, это был старый черно-красный аппарат с дисковым набором.

– Дудки, – сказал он вслух в тишине пустого офиса. – Райком закрыт, все ушли на фронт. И я ушел. Нет меня! Был, да весь вышел.

Телефон не вял, продолжая упорно звонить, как будто человек на том конце провода твердо вознамерился уличить Дорогина в только что произнесенной им лжи. Осененный внезапной догадкой, Сергей вынул из кармана мобильник и хлопнул себя по лбу: ну, так и есть! Батарейка села, телефон выключился, а на проводе наверняка Тамара – время-то нерабочее, клиенты в такое время сюда не звонят. Мобильный отключен, дома никто не отвечает, вот она и решила позвонить в офис... «Ох, и вломят мне сейчас!» – подумал Дорогин, поспешно снимая трубку.

– Алло, это «Ольга»? – спросил в трубке мужской голос.

– Нет, это Сергей, – не удержался от невеселой шутки Дорогин и тут же, взяв себя в руки, сказал: – Простите. Агентство «Ольга», Дорогин у телефона.

– Не думал, что застану вас на месте, – сказал голос в трубке.

– А зачем тогда звонили? – спросил Муму. У него хватало причин для раздражения; помимо всего прочего, ему не нравилось, когда люди пренебрегали простой вежливостью и не только не называли себя, но даже и не здоровались.

– На всякий случай, – ответил собеседник. – Дело срочное, вот я и решил, что попытка – не пытка.

– А подождать до завтра ваше дело не может? Здесь уже никого нет, да и меня вы застали буквально в дверях.

– До завтра может многое произойти, – сказал мужчина, и Дорогину послышался вздох. – Мне нужно быстро принять правильное решение, а вводных уже и без того чересчур много. Если к утру еще что-нибудь стряется, я окончательно запутаюсь. А речь идет о жизни и смерти.

Дорогин беззвучно зевнул в ладонь. Собеседник явно темнил; они разговаривали уже целую минуту, а этот тип до сих пор не сказал ничего конкретного. Его спешка, скорее всего, объяснялась простым нетерпением, которое могло быть вызвано тысячей причин. А что до жизни и смерти, так за этим расхожим словесным штампом чаще всего скрывается какая-нибудь ерунда, не стоящая выеденного яйца.

– Хорошо, – сказал он, – я вас слушаю.

– Это не телефонный разговор, – немедленно послышалось в ответ.

– Что ж, – сдерживаясь, сказал Сергей, – тогда приходите завтра к нам в офис. Мы работаем с десяти. Продиктовать адрес?

– Предпочитаю встречу на нейтральной территории, – ответил голос в трубке. – И немедленно.

Дорогин хмыкнул.

– А я предпочитаю по ночам отдыхать в своей постели, а не встречаться неизвестно где с людьми, которые даже не считают нужным представиться.

Он понимал, что откровенно хамит, отбивая у потенциального клиента – судя по приказному тону, которым тот разговаривал, далеко не бедного, – всякую охоту воспользоваться услугами агентства. Впрочем, работы у «Ольги» хватало; за время существования агентства Сергей сумел наладить дело так, что сам мог выбирать клиентов. Да и клиент ли это был? Нечасто, но случалось, что люди, наткнувшись в разделе объявлений какой-нибудь газеты на рекламу «Ольги», от нечего делать решали пошутить и донимали сотрудников дурацкими телефонными звонками. Разнообразием эти шутки не отличались, и то, что предлагал Дорогину его собеседник, здорово смахивало на один из коронных номеров телефонных хулиганов. Пару-тройку раз сотрудникам агентства назначали встречи (причем, как правило, в местах, куда бесплатно никого не пускают), на которые клиенты не являлись. Сам Дорогин в такой ситуации оказался впервые, и ему, увы, некого было в этом винить: никто не заставлял его задерживаться в офисе допоздна.

– У меня есть для этого причины, – сказал собеседник.

– Не сомневаюсь, – поддакнул Сергей.

– Я звоню из уличного таксофона. Это не наводит вас ни на какие мысли?

– Почему же, наводит. Пока у меня только два варианта: либо у вас украли мобильник, либо вы не хотите, чтобы я вычислил вас по номеру и привлек к ответственности за телефонное хулиганство.

– И все?

– Все.

На самом деле это было далеко не все. Существовала еще по крайней мере одна причина, по которой незнакомец мог звонить из уличного телефона-автомата: возможно, он боялся, что его домашний телефон прослушивается. Но Дорогин нарочно не стал озвучивать этот вариант, чтобы не затягивать представлявшийся ему бесполезным разговор.

Если на том конце провода находится психически здоровый человек, телефон которого действительно прослушивается, речь, скорее всего, идет о конфликте с законом. Вмешиваться в игры спецслужб или, того хуже, помогать преступнику уйти от ответственности – слуга покор-

ный! Самое лучшее из того, чем это может кончиться, – лишение лицензии. И хорошо, если уведомление о закрытии сыскного агентства «Ольга» отдадут тебе в руки или пришлют по почте, а не положат на крышку гроба.

«А я старею», – подумал Муму, поймав себя на том, что не хочет ввязываться в очередную историю. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: если регулярно переедать перца, то со временем даже он начнет казаться пресным.

– Извините, – будто подслушав его мысли, сказал собеседник. – Наверное, вы правы, мне не стоило вам звонить. Боюсь, это дело находится за пределами вашей компетенции.

Голос его теперь звучал устало и тускло, приказного тона как не бывало, и Дорогин вдруг почувствовал, что разговаривает с человеком, который действительно остро нуждается в помощи. Если у парня проблемы с законом, послать его подальше всегда успеется. А если нет? В конце концов, прослушивать чужие телефоны нынче умеют не только силовые структуры. Если человека прессует криминал или кто-то из новоявленных хозяев жизни (что, в принципе, одно и то же), будет чертовски обидно упустить случай сделать московский воздух хоть чуточку чище.

– Постойте, – сказал Сергей, – не кладите трубку. Где вы находитесь?

Собеседник ответил. Место, из которого он звонил, находилось не то чтобы рядом, но и не на краю света: при отсутствии пробок добраться оттуда можно было за десять-пятнадцать минут.

– Прекрасно, – сказал Дорогин. – Вы ужинали? Нет? Я тоже. Предлагаю сделать это вместе. Как выражался один литературный герой, основа любого мероприятия – сытый желудок.

Незнакомец помолчал, обдумывая предложение.

– У меня... – начал он, но тут же оборвал себя. – А впрочем, это уже не имеет значения. Согласен. Когда и где?

Дорогин назначил ему встречу в кафе за углом. Кормили там хорошо и сравнительно недорого, а вышколенный персонал умел держать язык за зубами и беречь постоянную клиентуру. Это место не раз использовалось сотрудниками «Ольги» для переговоров с клиентами, и, уже положив трубку, Сергей снова подумал, что обрастает мхом, становясь предсказуемым. Времена, когда он скрывался от всего белого света, остались в прошлом, и теперь, сделавшись солидным столичным бизнесменом, он мог позволить себе иметь любимую забегаловку, где его хорошо знали и всегда встречали с улыбкой.

В кафе он отправился пешком. На улице стоял легкий морозец, с неба по-прежнему сыпался мелкий снег. Ветра не было, и снег приятно щекотал щеки. Дорогин шел, с удовольствием вдыхая холодный воздух, который после проведенного в офисе дня казался особенно свежим, подняв вверх лицо и, как в детстве, ловя губами снежинки. Потом он поскользнулся, с трудом сохранив равновесие, ругнулся вполголоса и стал смотреть под ноги, снова думая о том, что круиз по Нилу посреди зимы – не такая уж плохая идея.

* * *

Михаил повесил трубку и, все еще стоя под пластиковым колпаком уличного таксофона, сунул в зубы сигарету. Снег тихо шуршал по мутноватому от старости плексигласу; на округлой макушке колпака он лежал толстым слоем, затеняя свет уличного фонаря. Закурив, Шахов рассеянно выдернул из щели аппарата магнитную карточку «Ростелекома», купленную в газетном киоске на углу. Он попытался вспомнить, когда последний раз пользовался телефоном-автоматом, и не смог – это было давно, в прошлой жизни, которая теперь, по прошествии времени, казалась простой и счастливой прямо-таки до умиления. Отец, оператор «Мосфильма», бывало, брал его на студию, а иногда и в командировки, на съемки очередного фильма – в Крым, в Прибалтику, а однажды даже на Камчатку...

Михаил выбросил недокуренную сигарету в припорошенный свежим пушистым снегом, смерзшийся до каменной твердости грязный сугроб, сунул руки в карманы пальто и пошел к машине, гадая, с чего это его вдруг потянуло на воспоминания в самый неподходящий момент. Потом до него дошло: ну, конечно, во всем виноват этот хамоватый частный сыщик, которому откровенно не хотелось вникать в суть его проблем. Его звали Сергеем Дорогиным, как и того каскадера, с которым Мишка Шахов подружился в свое последнее лето перед уходом в армию, когда подрабатывал на студии помощником осветителя. Потом, отслужив срочную, он узнал, что Дорогина посадили в тюрьму, а еще через пару-тройку лет до него окольным путем дошла весточка, что бывший каскадер Дорогин погиб – утонул, свалившись в реку с моста. Поговаривали, что дело тут нечисто – будто бы и сел он без вины, и с моста упал не без посторонней помощи. Михаил тогда был курсантом, стоя на самой нижней ступеньке лестницы, что вела, как ему тогда казалось, наверх, к благополучию и всеобщему уважению, а привела вот в эту телефонную будку, затерявшуюся в недрах заснеженного спального района. В ту пору несправедливость еще не перестала его ранить, и он предпринял несколько неуклюжих, по-детски наивных попыток разобраться в этой истории. Но в чем мог разобраться курсант-второгодок, загруженный так, что едва оставалось время на сон? Дорогин умер, жизнь шла своим чередом, и в ней не было места для призраков прошлого. Образ бывшего каскадера, когда-то научившего Мишку Шахова делать на перекладине подъем переворотом и не бояться высоты, мало-помалу потускнел, отошел на задний план, оттесненный новыми впечатлениями, и, казалось, окончательно растаял. Шахов не вспоминал о нем уже много лет, и вот теперь случайное сочетание не таких уж редких имени и фамилии неожиданно-негаданно напомнило об ушедшей юности, добавив еще немного горечи в чашу, которую, судя по всему, Михаилу предстояло осушить до самого дна.

Оглядываясь на ту историю с высоты прожитых лет, он почти не сомневался, что Дорогина действительно подставили и убили. Он уже достаточно хорошо изучил мир, в котором жил, чтобы усвоить: если беда может случиться, она, как правило, случается, и из сотен предположений наиболее близким к истине чаще всего оказывается самое скверное. И что толку ворошить прошлое, если в настоящем тебя самого крепко схватили за глотку и вот-вот придушат, как слепого щенка?

Открывая дверцу своей «десятки», он бросил косой взгляд на белую «вольво», что стояла поодаль с выключенными фарами. Пока он говорил по телефону и курил в будке, предаваясь воспоминаниям, ветровое стекло этой изрядно потрепанной гордости шведского автомобилестроения уже занесло тонким слоем снега. Номерной знак был густо залеплен серой слякотью, но регистрационный номер иномарки Михаила не интересовал: он и так видел, что это тот самый автомобиль, который стоял у подъезда, когда он вышел из дома, чтобы отправиться на поиски таксофона. Длинная антенна радиотелефона, небольшая вмятина на крыле, пузыри отставшей тонирующей пленки на стекле заднего бокового окошка – все эти мигмом ухваченные наметанным глазом мелкие приметы на сто процентов исключали возможность ошибки. Машина, вне всякого сомнения, была именно та. Шахову пришлось изрядно поколесить по району, прежде чем он отыскал исправный таксофон. Случайно повторить этот кружной путь, снова оказавшись с ним в одной точке пространства, белая «вольво» просто не могла.

Запуская двигатель, Михаил бросил взгляд в зеркало заднего вида. Фары «вольво» по-прежнему не горели, зато «дворники» вдруг ожили, плавным взмахом сметя снег с ветрового стекла. Шахов стиснул зубы от бессильной ярости: эти подонки даже не скрывались – видимо, не считали это нужным.

Он плавно выжал сцепление и тронул машину с места. Сомнения в целесообразности встречи с частным сыщиком крепили с каждой секундой. Чем мог помочь специалист по слежке за неверными женами в этой сложной, запутанной и крайне опасной ситуации? Лежащий за пазухой конверт снова напомнил о себе, твердым уголком уколол кожу. Ощущение было, как

при игре в шахматы, когда видишь, что тебя уже загнали в угол и буквально на следующем ходу поставят мат. Но сейчас, пока противник обдумывал последний ход, у Михаила была небольшая передышка, во время которой он мог располагать собой по собственному усмотрению: выпить чаю или водки, поглазеть за неимением телевизора в окно, навести порядок в разгромленной квартире, вызвать милицию для составления бесполезного протокола или поговорить с частным детективом, который носил имя и фамилию давно умершего человека. Шахов не знал, будет ли польза от этого разговора, но и вреда для себя не предвидел: ситуация была настолько скверная, что никакое постороннее вмешательство уже не могло ее ухудшить. Скоро ему предъявят ультиматум – конверт за пазухой говорил об этом прямо и недвусмысленно, – но, пока шантажисты не выдвинули никаких требований, Михаил мог делать все, что заблагорассудится.

Он мрачно усмехнулся, сворачивая за угол. Шантажисты допустили ошибку, подарив ему этот вечер. Видимо, они предполагали, что он будет парализован свалившимся неведомо откуда ужасом и станет, сидя в разоренной квартире, покорно ждать своей участи. Отчасти они были правы; Михаилу оставалось только гадать, что бы он сейчас делал, если бы к нему не заглянул Громозека. Возможно, сделанный им по совету соседа ход был не самым разумным, зато для противника он наверняка явился полной неожиданностью. Пожалуй, это был единственный путь к спасению; действуя в полном соответствии с логикой, здравым смыслом и должностными инструкциями, становишься предсказуемым, а следовательно, уязвимым: каждый твой шаг легко просчитать заранее и, просчитав, расставить на твоём пути ловушки, в одну из которых ты непременно угодишь.

Он снова посмотрел в зеркало. Позади, метрах в пятидесяти, сквозь пелену летящего снега мрачно поблескивали чьи-то фары. Уличный фонарь осветил длинный капот и угловатый кузов белого универсала – «вольво» продолжала следовать за ним по пятам, по-прежнему не особенно скрываясь, словно говоря: не дури, парень, ты прочно сидишь на крючке, так к чему эти судороги и шлепки хвостом по воде?

– Я тебе шлепну, – мрачно пообещал Михаил, плавно увеличивая скорость. – Я тебя шлепну, урод.

Он свернул направо, затем налево, потом снова направо. За окном проплыли и растаяли во мраке, превратившись в россыпь ярких огоньков, четыре стоящие в ряд шестнадцатэтажных башни. Дорога пошла петлять, повторяя выступы и впадины бесконечно длинного бетонного забора, которым была обнесена территория какого-то завода. «Вольво» неотступно маячила позади, напоминая привязанную к собачьему хвосту консервную банку – сколько ни бегай, все равно не отстанет. Продолжая скалить зубы в невеселой, многообещающей улыбке, Шахов снова вывернул руль и съехал с асфальта на обледеневшую грунтовку, такую ухабистую, словно она расположилась в окрестностях таежного леспромхоза, а не в десяти минутах езды от Белорусского вокзала. Место было знакомое: когда-то его отец имел здесь гараж, в котором хранил свой ушастый «запорожец». Стихийно возникший на заре восьмидесятых кооператив давно расформировали, ржавые железные гаражи, которые даже с очень большой натяжкой не могли считаться украшением городского пейзажа, определили под снос, но руки до них у правительства Москвы почему-то до сих пор не дошли, и ряды старых жестянок продолжали уныло ржаветь на берегу крошечного ручейка, который брал начало где-то поблизости – уж не в городском ли водопроводе? Кое-кто продолжал по старой памяти загонять сюда на ночь машины, но охраны, как и электричества, здесь не было уже лет пять.

Михаил въехал на ничем не огороженную территорию прекратившего свое существование кооператива и сразу остановился – дальше дороги не было, все пространство между рядами гаражей представляло собой девственно чистую снежную целину, в которой его «десятка» обещала увязнуть по самое не балуй. Собственно, ехать дальше было незачем – место, где Шахов

остановил машину, подходило для того, что он задумал, не хуже и не лучше любого другого глухого, безлюдного угла.

Он выбрался из салона и, вспарывая ногами снежную целину, побежал к ближайшей щели между гаражами. Снега здесь намело почти по колено, и за Шаховым оставалась глубокая борозда. Прежде чем втиснуться в узкое пространство между двумя шершавыми от ржавчины железными стенками, Михаил обернулся. Его машина сиротливо стояла на обочине с распахнутой дверцей, и ее задние габаритные огни бросали на снег кроваво-красные отсветы. Подсвеченный лампочками номерной знак был наполовину залеплен снегом, заднее стекло замято прямо на глазах; словом, вид у машины был покинутый, особенно в сочетании с глубокой бороздой в снегу, что протянулась от распахнутой дверцы к тому месту, где стоял Михаил.

– Отлично, – пробормотал он. – Просто превосходно. Поглядим, как вам это понравится.

В щели между гаражами оказалось полным-полно заметенного снегом хлама – ломаных кирпичей, бутылок, гнилых досок и прочей дряни, которая имеет свойство скапливаться в подобных местах. Рискуя переломать себе ноги, Шахов перебрался через этот завал и уперся в сколоченную из досок и листового железа, перевитую поверху ржавой колючей проволокой загородку, когда-то сооруженную хозяевами соседствующих друг с другом гаражей – надо полагать, затем, чтобы другие соседи не использовали пространство между их владениями в качестве нужника. Помянув черта, Михаил ударил ногой; изъеденная ржавчиной жесть прорвалась, как мокрый картон, полетели трухлявые щепки, и загородка завалилась с гнилым треском, открыв его взору заснеженный, поросший голым кустарником склон, что полого спустился к ручью.

Вовраг Шахов не полез – это было ни к чему. Время шло; конечно, сыщик мог подождать (Михаил заметил, что даже мысленно избегает называть его Сергеем Дорогиным), но злоупотреблять его терпением не следовало: еще, чего доброго, и впрямь решит, что над ним глупо подшутили, плюнет и уйдет. В офис он сегодня уже не вернется, номера мобильного телефона на визитке нет, а значит, раньше завтрашнего утра его не разыщешь. А завтра утром, судя по всему, встречаться с ним будет уже поздно – стальные челюсти капкана сомкнутся, и Михаил утратит даже ту иллюзию свободы, которой располагает в данный момент.

Он обогнул гараж по периметру, вернувшись к дороге как раз вовремя, чтобы услышать, как шумит двигатель приближающегося автомобиля. Свет фар, вынырнув из-за поворота, мазнул по сугробам и отразился в задних фонарях стоящей на обочине «десятки», заставив их ярко вспыхнуть, как будто кто-то, сидя внутри, нажал на тормоз. Белый универсал «вольво» приблизился к брошенной машине и не проехал мимо, как, по всей видимости, планировалось, а резко остановился: те, кто в нем сидел, увидели открытую дверцу и уводящую к гаражам борозду в снегу. Это наспех приготовленное для них Шаховым зрелище, судя по всему, получилось вполне убедительным. Картина была ясна: объект слежки заметил за собой хвост, оторвался, свернул за угол и, уйдя из поля зрения наблюдателей, подался в бега пешим порядком.

Обе передние дверцы «вольво» распахнулись настежь, и из них поспешно выбрались двое – просто темные безликие фигуры, вроде мишеней в тире. Вспомнив о мишенях, Михаил с трудом поборол искушение оставить в этой глухомани парочку трупов. Вряд ли число его противников ограничивалось этими двумя; открыв сейчас огонь на поражение, он мог спровоцировать оппонентов на ответные действия по принципу «око за око», что в его положении было недопустимо.

Преследователи, как пара гончих псов, устремились в погоню по оставленной им борозде в снегу, расширяя и углубляя ее. Снег разлетался в стороны под их ногами; передний мел сугробы лапами длинного, как кавалерийская шинель, черного пальто, задний на бегу все время поправлял сваливающийся с непокрытой, обритой наголо головы отороченный мехом капюшон «аляски». Оружия Михаил не заметил; впрочем, это не означало, что его на самом деле нет.

Как только преследователи исчезли из вида, скрывшись за углом гаража, Михаил покинул укрытие и со всех ног бросился бежать к своей машине – напрямик, по целине, вздымая волны снега и чувствуя, как утекают драгоценные секунды. Он боком упал за руль и повернул ключ зажигания. Не успевший остыть двигатель завелся с пол-оборота; не закрывая дверцу, Шахов включил заднюю передачу и дал газ, резко затормозив, когда «десятка» поравнялась с «вольво». Два выстрела из «Ярыгина» разорвали тишину безветренного зимнего вечера. Воздух со свистом устремился наружу из простреленных шин, грязно-белый универсал тяжело и неуклюже осел на правый борт, напоминая при этом торпедированный линкор.

Со стороны гаражей послышались невнятные, полные ярости и возмущения вопли обманутых преследователей, которые прошли по следу беглеца и вернулись к месту событий как раз вовремя, чтобы увидеть, как ловко их обвели вокруг пальца. Размахивая руками, они бежали к машинам. Шахов выстрелил еще дважды; снег взметнулся едва заметными в темноте фонтанчиками, и преследователи замерли, балансируя в неловких позах и выделяясь расплывчатыми темными силуэтами на фоне снежной целины.

Потом один из них сделал характерное движение, и сквозь ровное урчание работающего мотора Михаил расслышал дробный перестук оснащенного глушителем пистолета-пулемета. Цепочка фонтанчиков пробежала по укатанной колее дороги в опасной близости от переднего колеса «десятки», набросав Михаилу в лицо и на одежду твердых комочков спрессованного снега. Не дожидаясь продолжения, он захлопнул дверь и задним ходом погнал машину прочь от этого места. Новая очередь выбила на крыле его трехлетней «Лады» короткую жестяную дробь, и Шахов порадовался, что в руках у стрелка не «Калашников», который прошел бы машину насквозь, как картонную коробку.

Отчаянно газуя, он ехал задним ходом, глядя на дорогу через плечо и время от времени оборачиваясь, чтобы бросить короткий взгляд на преследователей, которые упрямо бежали за ним, будто и впрямь рассчитывали догнать. Их освещенные фарами лица и одежда постепенно утрачивали четкость очертаний, вновь сливаясь с темнотой по мере того, как расстояние между ними и машиной увеличивалось. Потом человек в длинном пальто остановился, осознав, по всей видимости, тщетность своих усилий, и дал вдогонку длинную очередь. Это был жест отчаяния: «десятка» уже находилась за пределами досягаемости предназначенного для ближнего боя штурмового пистолета, и с таким же успехом он теперь мог швыряться в Михаила снежками. Его товарищ в «аляске» с отороченным мехом капюшоном, добежав, остановился рядом и с досады плюнул себе под ноги.

Развернув машину и вернувшись на асфальтированную дорогу, Михаил остановился. Он обладал относительной свободой действий до тех пор, пока шантажисты не выдвинули свои условия. Его выходка с простреленными шинами могла значительно ускорить процесс, а ему требовалось время, чтобы хорошенько все обдумать и решить, наконец, как быть. Он был неуязвим, пока с ним не вступили в переговоры; после той огромной подготовительной работы, которую провели шантажисты, им теперь полагалось сдуть с него пылинки. Правда, в него только что стреляли – да, стреляли, но ведь не попали же! Он был нужен им живым и невредимым, чтобы выполнить все условия еще не предъявленного ультиматума. Следовательно, его предъявление нужно было по возможности оттянуть.

Михаил отключил мобильный телефон, а потом, подумав, извлек из него батарею и засунул в другой карман пальто. Это было грубое нарушение должностной инструкции, согласно которой ему полагалось круглосуточно находиться на связи, но в данный момент Шахову было не до инструкций: он чувствовал, что в ближайшее время его вынудят пойти еще и не на такие нарушения. Этого ему показалось мало; включив потолочный плафон, он бегло осмотрел корпус аппарата и горько покивал головой, обнаружив подтверждение самых мрачных своих подозрений: внутри, прилепившись к пластмассе, поблескивала плоская, почти незаметная таб-

летка электронного маячка. Шахов опустил стекло слева от себя и выбросил маячок в сугроб, сделав это так энергично и зло, словно стряхивал с ладони кусачее насекомое.

– Твари, – пробормотал он, закрыл окно и поехал в кафе, где его дожидался частный сыщик Дорогин.

Глава 4

Углы просторного, отделанного темными дубовыми панелями кабинета тонули в густом сумраке. Из темноты, поблескивая позолотой массивной рамы, выступал портрет какого-то человека. Черты его лица были неразличимы в потемках, но, судя по трехцветному фону (а более всего по месту, где висела картина), это был портрет действующего президента. На углу массивного, просторного, как взлетная полоса военного аэродрома, обтянутого зеленым сукном стола стоял бюст Дзержинского: хозяин кабинета не единожды во всеуслышание называл себя консерватором, заявляя, что, если принципы человека меняются вместе с политическим курсом страны, это не принципы, а собачье дерьмо.

На столе горела лампа на гибкой ноге под старомодным зеленым абажуром – еще одно напоминание о принципах, а вернее, о верности застарелым привычкам и склонности окружать себя сделанными на века вещами, появившимися на свет в те времена, когда мир еще не заполнили дешевые поделки родом из Китая. Правда, архаичный зеленый абажур скрывал галогенную лампу, такую мощную, что лежавший на столе лист бумаги, казалось, светился собственным светом. Бумага была девственно чистой; на краю ее лежала наготове чернильная авторучка с золотым пером и выгравированной на колпачке дарственной надписью. Современный жидкокристаллический монитор мощного компьютера скромно прятался за пределами отбрасываемого лампой светового круга, напоминая о себе лишь сонным помаргиванием желтого контрольного светодиода. В кабинете пахло дымом хорошего трубочного табака. Хозяин кабинета стоял у окна и, раскуривая трубку, смотрел, как снаружи идет снег. На нем был темно-серый деловой костюм обманчиво скромного покроя, ладно облежавший его слегка погрузневшую, но крепкую, спортивную фигуру. На обрамленной остатками посеребренных волос лысине лежал неподвижный зеленоватый блик от абажура. Табачный дым ленивыми клубами поднимался над его плечом, льнул к холодному стеклу, расплзался по нему серыми, змеящимися струйками и таял, собираясь под потолком в невидимое облако. Вдоль пустой улицы, мигая оранжевым проблесковым маячком, проползла снегоуборочная машина. Глядя на нее, генерал-лейтенанту Кирюшину было трудно отделаться от мысли, что она не просто сгребает с дороги снег, а замечает оставленный бронированным «мерседесом» след.

Опустившись в массивное кресло с высокой прямой спинкой, генерал неторопливо положил в пепельницу погасшую трубку, придвинул к себе лежавший под лампой лист бумаги, с солидной медлительностью свинтил с авторучки гравированный колпачок и записал две только что сочиненные строчки. Черные чернила поблескивали в свете галогенной лампы, подсыхая прямо на глазах. Половина строфы была готова; генерал Кирюшин подумал минуты две, рассеянно постукивая колпачком ручки по вставным зубам, а потом быстро написал еще две строчки. Почерк у него был куриный, прямо как у опытного врача, и вряд ли хоть кто-нибудь, помимо самого Андрея Андреевича Кирюшина, смог бы прочесть написанное им.

Отложив ручку, генерал-лейтенант перечел свежую строфу. У него получилось следующее:

*«Когда ты войдешь в заколдованный лес,
Над миром закатное знамя взвовется,
И горькое время жестоких чудес
Уйдет навсегда и уже не вернется».*

Андрей Андреевич вздохнул и, отодвинув лист, занялся сложным процессом набивания трубки: выбил пепел в пепельницу, поковырялся внутри специальным металлическим стерженьком, достал из ящика пакет табака, наполнил чашечку и старательно умял большим паль-

цем. Он до сих пор, если выдавалась свободная минутка, грешил сочинительством – как при-страстился к этому делу в ранней юности, так по сей день и не отвык. Рифмовал он легко, не напрягаясь; творчество было для него не мукой, а наслаждением, лучшим из существующих видов отдыха (потому, наверное, что в жизни своей Андрей Андреевич не получил за него ни копейки). Но всегда, как в юности, так и теперь, в весьма зрелом возрасте, у него получалось одно и то же, а именно чепуха на постном масле. Всякий раз, накропав стихотворение и прочтя то, что вышло из-под пера, он преисполнялся уверенности, что создал нечто значительное, качественное – ну, никак не хуже того, что печатается в современных поэтических сборниках, не говоря уже о кое-как зарифмованной белиберде, коей потчуют публику поэты-песенники. И каждый раз, по прошествии какого-то времени заглянув в свои так называемые поэтические тетради, обнаруживал, что перечитывание собственных стихов не приносит ничего, кроме неловкости и досады.

Вот и теперь только что занесенная на бумагу строфа ему нравилась, и при этом он знал, что стихи плохие. Что именно с ними не так, он не понимал, но точно знал, что это никуда не годится.

На столе ожил, мигая оранжевой лампочкой и издавая приглушенное электронное курлыкание, архаичный аппарат селекторной связи. Генерал Кирюшин все так же неторопливо выдвинул верхний ящик стола, спрятал в него лист бумаги с четырьмя нацарапанными куриным почерком строчками и задвинул ящик; затем выдвинул средний, убрал в него коробку с табаком, задвинул; взял со стола специально сконструированную для разжигания трубок зажигалку, щелкнул ею, закурил, окутавшись облаком медвяного дыма, и только после этого, придавив желтоватую, как слоновая кость, клавишу громкой связи, негромко произнес:

– Слушаю.

– К вам полковник Семенов, товарищ генерал-лейтенант, – прошелестел из динамика голос референта.

– Пусть зайдет, – разрешил Кирюшин и выключил селектор.

В дверь постучали – деликатно, но твердо, будто намекая, что беспокоят высокое начальство не из прихоти, а по важному делу, – и в кабинет, не дожидаясь повторного приглашения, вошел полковник Семенов. Внешность у полковника была самая невзрачная и в то же время такая, что к ней невозможно было придраться – не высокий и не низкий, не толстый и не худой, не слишком густоволосый, но и не лысый, не красавец и не урод. Полковник Семенов одевался хорошо, но в то же время без лоска, наводящего на мысль о нескромности или желаниии как-то выделиться. Разговаривал он негромко, предпочитая, если была такая возможность, вообще ничего не говорить. Никто никогда не слышал, чтобы он повысил голос или сказал кому-нибудь грубое слово, не говоря уже об употреблении ненормативной лексики, которая, казалось, находилась за пределами его понимания. При этом подчиненные боялись его до судорог, а начальство, с одной стороны, ценило как отличного специалиста, а с другой – слегка опасалось, поскольку никогда нельзя было догадаться, что у него на уме – уж не подсиживает ли, не роет ли своему непосредственному начальнику хитроумно замаскированную волчью яму? Из-за этой излишней даже для офицера спецслужб непроницаемой закрытости Семенов до сих пор ходил в полковниках, хотя по талантам и заслугам ему уже давно полагалось бы носить на плечах генеральские звезды. А если уж совсем не кривить душой, так не Семенову бы ходить на доклад к Андрею Андреевичу, а наоборот. Ну и поделом ему. Будет знать, как начальство смущать! Ишь, стоит – морда, как из литого чугуна, не человек, а какой-то каменный истукан в пиджаке, а в черепушке наверняка опять что-то варится...

Кирюшин молча указал полковнику на стул, разглядывая его сквозь клубы дыма, как капитан линкора, наблюдающий сквозь дымовую завесу за приближающимся торпедным катером без флага и опознавательных знаков – не поймешь, свой или чужой. Ошибка в решении

этого важного вопроса могла стоять генерал-лейтенанту Кирюшину карьеры, а то и жизни, не говоря уже о таком пустяке, как свобода.

– Докладывай, – приказал генерал, когда полковник уселся.

– Сообщение от группы Старого, товарищ генерал-лейтенант, – сказал Семенов.

Сердце у генерала екнуло и тревожно забилося, но он не подал виду, что взволнован, а лишь уплотнил плавающую над столом дымовую завесу.

– Что-то не припомню, чем они нынче занимаются, – рассеянным тоном солгал он.

– Наружное наблюдение за объектом «Шах», – напомнил полковник.

– Странное дело, – доверительно произнес Кирюшин. – Почему это на нашем сленге принято называть живого человека объектом, когда на самом деле он субъект? Объектом он становится, когда перестает дышать...

– Не могу знать, товарищ генерал-лейтенант, – признался полковник Семенов. Тон у него был, как всегда, нейтральный, а лицо – непроницаемое.

– Ну-ну, – сказал Кирюшин, – не увлекайся, не на плацу. Так что там с Шахом?

Спрашивать, кто такой Шах, он не стал – это был бы уже перебор, в результате которого Семенов заподозрил бы его либо во лжи, либо в маразме.

– События начались, Андрей Андреевич, – сообщил полковник. – И Шах сразу повел себя неадекватно.

– Неадекватно? И что он сделал – убил кого-нибудь? Напился и танцевал голый на столе?

– Хуже, товарищ генерал. Он ушел от Старого.

– Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел. А от тебя, Старый, и подавно уйду... – проворчал генерал Кирюшин, посасывая трубку и выпуская дым из уголка рта. – Не тяни kota за хвост, полковник, – добавил он с внезапно прорвавшимся раздражением, – докладывай по порядку!

– Есть докладывать по порядку, – снова преисполняясь уставной деревянности, произнес Семенов. Взгляд у него сделался пустым, как у рыбины, сосредоточившись где-то над левым плечом Кирюшина, невзрачная физиономия утратила какое бы то ни было выражение, превратившись в подобие гипсовой посмертной маски. – Докладываю. Объект «Шах» вернулся домой в девятнадцать двадцать семь. В квартире у себя пробыл около получаса. Приблизительно в девятнадцать сорок ему позвонили на домашний телефон. Как удалось установить, звонок поступил с уличного телефона-автомата, расположенного на Белорусском вокзале. Звонивший, по обыкновению, молчал...

Он говорил без шпаргалки, по памяти; собственно, никакой шпаргалки при нем и не было, он вошел в кабинет с пустыми руками. Другой на его месте непременно прихватил бы с собой какую-нибудь папку – просто так, для солидности, чтобы не нарушать заведенного порядка, – и поглядывал бы в нее время от времени, дабы начальство, которое во все времена больше доверяло бумаге, чем живому человеку, не усомнилось в точности доклада. А этот всем своим поведением словно говорит: да наплевать мне, гражданин начальник, усомнишься ты во мне или нет. Сомневаешься – проверь; ты уже тысячу раз убеждался, что мне можно доверять, так убедись еще раз, тебе это не повредит.

«А это неплохой рэкет, – подумал генерал Кирюшин. – И он, в конце концов, начинает приносить плоды, как всякий долго и тщательно возделываемый огород. Ведь к этому делу я привлек не кого-нибудь, а Семенова. Ни в ком нельзя быть уверенным до конца, но ему я доверяю все-таки больше, чем всем остальным, вместе взятым...»

– ...открыл огонь, – продолжал полковник Семенов, – двумя выстрелами прострелив два колеса.

– Ну и правильно сделал, – проворчал генерал и принялся выбивать трубку, стуча ею о край пепельницы. – А вы чего ждали? Это все-таки офицер, а не воспитательница из детского сада! Старому сто раз было сказано, чтобы вел себя осторожнее...

– Виноват, товарищ генерал, – сказал Семенов, – мы с вами это уже обсуждали. Дестабилизация объекта входила в наши планы, и одним из способов ее достижения являлось демонстративное поведение Старого...

– Это еще разобраться надо, кто кого дестабилизировал, – хмыкнул Кирюшин, откладывая в сторону трубку. – Шах, как я понимаю, спокойно уехал в неизвестном направлении, а твой Старый остался с голой ж... на морозе. Удивляюсь только, как это Шах его не скрутил и не отволок в какой-нибудь подвал для интимного, доверительного разговора.

– Старый предотвратил такую угрозу, открыв ответный огонь, – доложил Семенов.

– Они что, совсем обалдели?! – возмутился Кирюшин. – А если бы попали?

– Это Старый, – напомнил Семенов. – Он попадает только туда, куда целится. Кроме того, это было необходимо для достоверности.

– Ох, не заиграться бы, – вздохнул генерал. – Ну, и какие у тебя по этому поводу соображения?

– Объект звонил кому-то из уличного таксофона. Подозреваю, что он уже получил инструкции и действовал в строгом соответствии с ними.

– То-то, что подозреваешь, – сказал генерал. – А по замыслу должен бы знать. Твой хваленый Старый не имел права так подставляться! Его, как мальчишку, обвели вокруг пальца, а объект, за которым он наблюдал, теперь болтается неизвестно где и занимается бог весть чем.

– Прикажете объявить розыск? – осведомился Семенов.

– Ты дурачка-то из себя не строй, – буркнул Кирюшин. – И из начальства дурака не делай. Какой еще, к дьяволу, розыск? На службу-то он явится, как миленький, потому что вне службы ему грош цена, вне службы он никому не нужен.

– Так точно, – сказал Семенов, и генерал дорого бы дал за то, чтобы узнать, о чем он на самом деле думает в данный момент.

Андрей Андреевич представил, как все это происходило – там, в заброшенном гаражном кооперативе, по колено в снегу, в темноте. Будто наяву, он увидел Старого в его любимом, давно вышедшем из моды, длинном черном пальто, под которым так удобно прятать тупорылый уродливый «аграм» с глушителем; увидел, как он бежит, проваливаясь по колено в снег, метя сугробы полами пальто, и стреляет на бегу, и горячие, дымящиеся гильзы, кувыряясь, веером летят в снег, проплаывая в сугробе глубокие червоточины... Генерал с трудом подавил завистливый вздох. Ему нравилась оперативная работа – нравилась всегда, но лишь теперь, когда возраст, звание, должность и связанная с нею гигантская ответственность окончательно приковали его к креслу в кабинете, он осознал, как сильно любил связанный с этой работой риск и то огромное удовлетворение, которое испытываешь, в очередной раз пройдясь по самому краю и вернувшись с победой.

Правда, теперь он рисковал еще сильнее, и цена одержанных побед возросла многократно, но удовольствие было уже не то. Генерал напоминал самому себе чемпиона мира по шахматам, завидующего мальчишкам, которые играют в лапту. Ведь, если хорошенько разобраться, дело не в лапте, не в шахматах, не в оперативной работе с пальбой и погонями, а в молодости, которая всегда вызывает у стариков легкую зависть: эх, мне бы ваши годы!..

– Неумехи, – ворчливо констатировал он. – За такие ляпы с меня бы в молодости семь шкур спустили. Дестабилизаторы... Объявится – глаз с него не спускать! Негласно, с безопасного расстояния... Хватит уже этой вашей дестабилизации! А Старому передай: еще один такой прокол, и он у меня отправится на Таймыре уличное движение регулировать.

– Есть, – невозмутимо ответил Семенов.

Разумеется, он, как и Андрей Андреевич, понимал, что Старый ни в чем не виноват. Просто Шах оказался на удивление решительным и хорошо подготовленным парнем, что лишний раз свидетельствовало об умении Семенова разбираться в людях. Ведь это он выбрал Шаха на роль проходной пешки в большой игре, которую они затеяли. Лучшей кандидатуры, наверное,

и впрямь было не найти, и генерал Кирюшин испытал укол сожаления: со временем из Шаха мог бы выйти толк. А впрочем, лучшие всегда погибают первыми, и задача командира заключается в том, чтобы неизбежные жертвы не оказались напрасными...

– У тебя все? – спросил он, выдвигая ящик и неторопливо водружая на стол коробку с трубочным табаком, от которой по кабинету немедленно начал распространяться вкусный медвяный дух.

– Так точно, товарищ генерал, – вставая, подтвердил Семенов.

– Тогда ступай. И подключи информационную линию. По-моему, сейчас для этого самое подходящее время.

– Есть.

– Да, и еще одно. Сколько, говоришь, Шах прострелил колес – два?

– Так точно.

– Стоимость ремонта вычесть из премии Старого. А если премию не заработает, удерживать из жалованья. За порчу казенного, пропади оно пропадом, имущества. Что? – спросил он сердито, когда Семенов деликатно кашлянул в кулак.

– Боюсь, если Старый не заработает премию, вычитать стоимость новых зимних покрышек будет не из кого...

– И некому. Ты это хотел сказать? Так я это и без тебя знаю. Вот и позаботься о том, чтобы с его премией все было в порядке.

Когда за полковником закрылась дверь, Андрей Андреевич неторопливо набил и раскурив трубку, вынул из верхнего ящика стола листок со стихами и свинтил колпачок с именного «паркера». Некоторое время он старательно марал бумагу, безжалостно зачеркивая написанное и начиная все сначала, а потом, отчаявшись, скомкал лист, сунул его в пепельницу и щелкнул зажигалкой. Острый треугольный язычок пламени с тихим гудением коснулся края бумаги, и та занялась, на глазах оторачиваясь неровной траурной каемкой. Огонь лизнул написанные неразборчивым «докторским» почерком строчки. По мере того как бумага чернела, на ней снова проступали сероватые буквы с металлическим отливом. Когда огонь погас, оставив после себя только извилистую струйку отчаянно воняющего горелой бумагой дыма, генерал старательно перемешал пепел колпачком ручки и высыпал его в корзину для бумаг. Сделал он это без малейшего сожаления. Ему хотелось написать стихотворение о покое и забвении – не столько о самом покое, сколько о том, как жаждет его усталая душа. Полчаса назад, когда сочинил первую строфу, он ясно видел внутренним взором замшелые, увитые лианами могучие тысячелетние деревья заколдованного леса, слышал журчание струящегося в вечном сумраке ручья, чувствовал, как пружинит под ногами толстый ковер прелой листвы. А теперь, после доклада Семенова, эта картинка стала неживой, плоской, как грубо намалеванная декорация к любительскому спектаклю, и начала разваливаться на куски, которые бесследно растворялись в темноте. Настроение изменилось, вдохновение ушло, и то, что стorerело, представляло собой просто испорченный, ни на что не годный лист бумаги.

Заново раскурив потухшую трубку, генерал-лейтенант Кирюшин выбрался из-за стола, подошел к окну и, отодвинув портьеру, стал смотреть, как снаружи идет снег.

* * *

Огромный полноприводной «додж» вызывающе красного цвета, скаля хромированные клыки радиаторной решетки, стоял в тихом переулке, почти не выделяясь из длинного ряда припаркованных вдоль бордюра машин. Фары его не горели, окна замело снегом, но из выхлопной трубы толчками выбивался белый пар, а из салона, основательно приглушенная плотно закрытыми окнами, доносилась зажигательная кавказская мелодия. Небритый водитель, откинувшись на кожаную спинку сиденья, ладонями выбивал на обтянутом губчатой резиной ободе

рулевого колеса дробный такт лезгинки, едва заметно пританцовывая на месте с закрытыми глазами. Работающий кондиционер гнал в салон сухой теплый воздух, панель дорогой магнитолы переливалась цветными огнями. Скапливающийся на ветровом стекле снег подтаивал от шедшего изнутри тепла и медленно сползал вниз сочащимися талой водой пластами.

Сидевший рядом горбоносый шатен, недавний собеседник частного сыщика Лесневского, держал на коленях включенный ноутбук, на экране которого виднелась путаница расходящихся веером белых линий и разноцветных четырехугольников, зачастую имевших неправильную форму. По схеме, размеренно мигая, двигалась крупная красная точка. Вот она с выводящей из душевного равновесия медлительностью обогнула острый угол трапеции, обозначающей городской квартал, совершив левый поворот. За левым поворотом последовал правый, за правым – опять левый.

– Что делает, э?! – негромко воскликнул шатен, наблюдая за бессмысленными маневрами мигающей точки.

Водитель приоткрыл глаза, покосился на экран и пожал плечами, заставив свою кожаную куртку тихонько скрипнуть.

– Нервы лечит, – сказал он. – Я тоже, если что не так, сажусь за руль и по улицам гоняю, пока не успокоюсь. Подумай, что бы ты на его месте делал, дорогой?

– Нервы, – с явным сомнением повторил шатен. – Людей с нервами на такую работу не берут.

– А людей без нервов не бывает, – снова закрывая глаза и откидываясь на спинку сиденья, возразил водитель. – Бывают нервы крепкие, бывают слабые. У него крепкие, но и прижали его крепко, слушай! Железо тоже ломается. Даже алмаз можно распилить, а это не алмаз – живой человек! Слушай, – оживился он, опять открыв глаза и подавшись к пассажиру, – а может, он бежать решил?

– Бежать ему некуда, – возразил шатен, озабоченно вглядываясь в экран, бросавший на его твердое, гладко выбритое лицо мертвенный голубоватый отсвет. – Надо быть последним ишаком, чтобы на его месте спастись бегством.

– А зачем тогда мы здесь торчим? – задал резонный вопрос небритый водитель. – Не бежит – значит, просто катается. Ищет подходящий кабак, чтобы горе залить.

– Вот, – по-прежнему озабоченно сказал шатен, – опять остановился. Интересно, кому он звонил?

– Жене, – предположил водитель и, подавшись вправо, вгляделся в экран. – Да, стоит. Я же говорю, ищет кабак. Вернее, уже нашел.

– Какой кабак, э?! – отмахнулся шатен. – У тебя все время кабак на уме! Там пустырь, слушай! Заводи, поехали!

– Зачем заводи, почему заводи? – демонстративно изумился водитель. – Все работает, дорогой!

– Поехали, поехали! – торопил обеспокоенный странным поведением красной точки на экране ноутбука шатен.

– Не шуми, уважаемый, уже едем!

Громоздкий внедорожник задним ходом выбрался со стоянки. Вспыхнули мощные фары, протянув вдоль улицы два конуса яркого света, в которых мельтешили снежинки, «дворники» с негромким шорохом смахнули с ветрового стекла серую снеговую кашицу. Водитель переключил передачу и плавно дал газ, потом притормозил перед выездом из переулка и снова утопил педаль. Руководствуясь указаниями следившего за схемой на экране ноутбука пассажира, он кратчайшим путем погнал «додж» к тому месту, где, мигая, замерла красная точка. Справа в темном небе проплыли, подобно большим океанским лайнерам, четыре стоящие в ряд шестнадцатипятиэтажные башни, слева протянулся казавшийся бесконечным бетонный, заплетенный поверху колючей проволокой забор какой-то промышленной зоны.

– Не гони, – сказал шатен. – Он тронулся, едет нам навстречу.

Водитель завертел головой, выискивая, куда бы свернуть во избежание нежелательной встречи.

– Опять стал, – прервал его поиски пассажир. – Что он там делает, слушай?!

– Может, машина глохнет, – предположил водитель, снова включая третью, а затем и четвертую передачу. – Это же не машина, а корыто с болтами!

Несмотря на напряженность ситуации, шатен иронически хмыкнул.

– Когда себе такое же корыто покупал, кричал: вах, какая машина! Не машина – ласточка!

А теперь говоришь – корыто...

– Потому и говорю, что знаю, – проворчал водитель.

– Не переживай, дорогой, – посочувствовал ему пассажир. – Так всегда бывает: тратишь деньги на машину, а покупаешь опыт. А что может быть дороже опыта?

– Только хорошая машина, – сказал водитель. – Ну, что он там?

– Стоит. Постой, не гони, мы уже совсем рядом...

Водитель притормозил. В следующее мгновение из-за угла прямо в глаза ему ударил свет включенных на полную мощность фар, и небритый кавказец издал гортанный возглас – явно ругательный, хотя хамская манера ездить с дальним светом была в полной мере присуща и ему.

– Что делаешь, шакал?! – ничего не видя, кроме двух нестерпимо ярких пятен слепящего света, закричал он водителю встречной машины, как будто тот мог его слышать. – Чтоб ты совсем ослеп, как я, только навсегда!

Машина с шумом промчалась мимо. Небритый водитель яростно потряс головой, словно это могло помочь ему избавиться от плававших перед глазами зеленоватых фосфоресцирующих пятен, и выровнял «додж», который тем временем вознамерился съехать на заснеженную обочину.

– Потихоньку, – предостерег его пассажир. – Он где-то рядом.

– А это не он? – спросил водитель, ткнув большим пальцем за спину, туда, где скрылась ослепившая его машина. – Какая тачка, ты не видел? Не «десятка»?

– Он стоит на месте, – с оттенком нетерпения сказал шатен и пощелкал ногтем указательного пальца по экрану ноутбука. – Видишь? Странно, где же он? Смотри внимательно!

– Смотрю, – сквозь зубы ответил водитель, переключаясь на первую передачу. – Я, дорогой, с закрытыми глазами ездить не умею и не хочу – машину жалко, мне Мустафа за нее голову оторвет и собакам бросит.

– Помолчи! – резко бросил пассажир. – Ничего не понимаю...

Красная точка продолжала размеренно мигать почти в самом центре экрана. Она по-прежнему не двигалась. Другая точка, синяя, обозначавшая их машину, приблизилась к ней вплотную; на мгновение синяя точка закрыла красную, как Луна заслоняет солнечный диск во время затмения, а потом спокойно поползла дальше, оставив красную точку все так же мерно мигать там, где, как утверждали глаза сидевших в «додже» кавказцев, не было ничего, кроме занесенного снегом пустыря и разъезженной обледенелой колеи.

– Стой, – осознав, наконец, что дело неладно, приказал пассажир. – Давай потихоньку назад. Скажи, дорогой, что ты видишь?

– Ничего, – лаконично ответил водитель, по тону своего спутника понявший, что сейчас лучше воздержаться от пространных высказываний.

– И я ничего, – растерянно признался шатен. – А компьютер утверждает... Стой!

Машина остановилась. Справа от них расстилался бугристый, заметенный снегом пустырь, обрамленный цепочками далеких городских огней. Из снега торчали какие-то перекрученные ржавые железяки, бесформенные глыбы бетона и мертвые стебли прошлогоднего бурьяна. Слева все так же тянулся разрисованный непонятными надписями и пиктограммами

бетонный забор, над которым на фоне неба маячил остов мостового крана. Снежная целина по обеим сторонам дороги была нетронутой.

Из встроенных в обшивку салона динамиков по-прежнему дробным горохом сыпалась лезгинка. Шатен протянул руку и выключил магнитолау.

– А компьютер утверждает, – повторил он в наступившей тишине, – что наш клиент прямо здесь – рядом с машиной, в машине или, может быть, под ней. Ты никого не переехал?

– Э! – со смесью возмущения и обиды воскликнул водитель. – Постучи по своему компьютеру. У него в мозгах что-то заело, клянусь!

Синяя точка неподвижно замерла на экране. Второй точки не было видно, лишь мигающий красный ореол то появлялся, то исчезал вокруг синего кружка на схеме городских улиц.

– Лучше я постучу по твоей голове, – упавшим голосом сказал шатен. – А ты постучи по моей. А потом поедem к Мустафе, и он постучит нашими головами друг о друга, и будет стучать до тех пор, пока они не треснут, как пара гнилых орехов. Мы его упустили, Ваха. Это он проехал мимо нас, клянусь аллахом!

– Э? – небритый Ваха снова ткнул большим пальцем через плечо, в ту сторону, где две минуты назад скрылась ослепившая его машина. – А это?

Корявый, как сучок, палец с желтым от никотина ногтем ткнул в экран ноутбука, где все оставалось без изменений.

– Что – это?! – зло воскликнул шатен, с треском захлопнув крышку компьютера. – Это, это... Он просто потерял свой мобильник! Или выбросил. А, шайтан! Разворачивайся, надо догонять!

– Как же мы его догоним без маячка? – резонно возразил водитель, но, наткнувшись на яростный взгляд напарника, замолчал и принялся энергично крутить баранку, разворачивая громоздкий автомобиль на узкой скользкой дороге, зажатой между стенами высоких сугробов.

Глава 5

Примерно в двух кварталах от кафе Шахов загнал машину в темный двор и вышел. Заперев центральный замок, он подошел к заднему крылу и провел кончиками пальцев по холодному, чуть шероховатому от налипшей грязи металлу, ощутив цепочку округлых вмятин. Было ясно, что, если удастся дожить до утра (а он подозревал, что удастся, и не испытывал по этому поводу прилива положительных эмоций), на работу придется добираться общественным транспортом – сначала на троллейбусе, а потом на метро. Потому что, если на службе увидят, во что превратилась за один вечер его машина, это вызовет массу вопросов...

Без разбора молотя ботинками коричневато-серую снеговую кашу, он выбрался на кое-как расчищенный тротуар и зашагал в сторону кафе, где была назначена встреча с частным сыщиком. Снегопад усилился, пушистые хлопья сыпались, как пух из распоротой подушки, оседая на плечах и непокрытой голове. По вискам заскользили капли талой воды, и только тогда Михаил спохватился, что идет без шапки, которая, скорее всего, осталась в машине. Впрочем, с таким же успехом она могла потеряться – там, возле гаражей, пока он бегал, протискивался, снова бегал и стрелял.

На ходу он закурил сигарету и выкурил ее в четыре длинные, жадные затяжки. Впереди на заметаемом снегом тротуаре заиграли цветные отсветы неоновой вывески, вдоль улицы потянуло вкусным запахом чего-то жареного, и Шахов вдруг ощутил зверский голод. «Основа любого мероприятия – сытый желудок», – вспомнилось ему, и он невесело усмехнулся. Бывают же совпадения! Именно эту фразу любил повторять покойный тезка частного сыщика Дорогина, усаживаясь за импровизированный стол во время обеденного перерыва на съемочной площадке. Впрочем, фразочка была расхожая; книгу, на которую в разговоре с ним сослался сыщик, Михаил прочел лет в шестнадцать. Книга была хорошая, и ничего удивительного, что другие ее тоже читали...

Кафе, по счастью, оказалось дешевой забегаловкой – ни тебе вечерней музыкальной программы, ни молодежной дискотеки, ни мордovorота на входе, осуществляющего сортировку посетителей по одному ему ведомым признакам. Особого наплыва упомянутых посетителей также не наблюдалось, хотя обеденный зал не пустовал: свободные места в нем имелись, а вот свободных столиков не было ни одного. Из зала доносилась какая-то попсовая мелодия, незатейливая пошлость которой отчасти искупалась тем, что музыка играла негромко, в половину мощности установленного за стойкой бытового музыкального центра. Михаил сдал пальто молодой угрюмой гардеробщице, пригладил перед зеркалом влажные волосы, проверил, не слишком ли заметно выпирает из-под пиджака рукоятка «Ярыгина», и шагнул в интимный полумрак, где мягко сияли настольные лампы и бра, невнятно гудели людские голоса, звенели ножи и вилки, а запахи табачного дыма и пищи приятно щекотали ноздри.

Он направился напрямик к стойке бара, над которой перемигивались огни цветомузыкальной установки, попеременно окрашивая во все цвета радуги шеренги разнокалиберных бутылок с броскими этикетками. На фоне этого греховного великолепия скучал молодой бармен в белой рубашке, винно-красном жилете и галстук-бабочке. Михаил предполагал, что брюки и обувь на нем также имеются, но их не было видно из-за стойки, так что с уверенностью утверждать, что молодой человек одет полностью, было нельзя.

При виде посетителя бармен слегка оживился, приготовившись обслужить прилично одетого клиента, но Шахов отказался от предложенной выпивки.

– У меня здесь встреча, – сообщил он. – Не подскажете, где найти господина Дорогина?

– Да вон, – бармен указал на столик в углу зала, за которым сидел какой-то человек в темном костюме и черной водолазке, – за угловым столиком.

Михаил поблагодарил и, оставив снова заскучавшего бармена перетирать и без того чистые бокалы, зашагал, лавируя между столиками, в указанном направлении.

Частный сыщик Дорогин читал газету, заслонившись ею, как ширмой. Над верхним краем газеты виднелась только его темно-русая макушка. Освещение в кафе было не самое подходящее для такого занятия, и Михаил заподозрил, что господин частный детектив ведет за ним наблюдение. Он пригляделся к газете, но дырок, прорезанных для глаз, не увидел, а если бы увидел, то сразу развернулся бы на сто восемьдесят градусов и ушел: ко всем его неприятностям ему не хватало только идиота с замашками кинематографического доктора Ватсона.

– Господин Дорогин? Это я вам звонил, – сказал Михаил, проглотив вертевшееся на кончике языка колкое замечание.

– Присаживайтесь. – Рука с тонкой полоской обручального кольца на безымянном пальце указала на свободный стул. Сыщик опустил газету, но от этого мало что изменилось: его лицо пряталось в тени абажура настольной лампы. – Итак?

– Я не представился по телефону, – усаживаясь, сказал Михаил. – Позвольте...

– В этом нет необходимости, – перебил сыщик. Он отложил на край стола свернутую газету и подался вперед, к свету. – Коман са ва, Мишель?

Даже пребывая в состоянии полного ошеломления, Шахов отметил, что сцена была разыграна с присущим Сергею Дорогину артистизмом. Эффект был тщательно рассчитан; Дорогин учел все, начиная от освещения и кончая тем обстоятельством, что в то лето, когда они виделись в последний раз, на «Мосфильме» снималась экранизация Дюма, и, хотя в кадре актеры разговаривали по-русски, вся съемочная группа перебрасывалась французскими словечками – «для создания атмосферы», как говорил режиссер. Картина так и не вышла на экраны, но сам съемочный процесс Михаилу запомнился крепко – наверное, потому, что это было последнее лето его детства. Взрослеть ему пришлось в Чечне, и по сравнению с той кровавой мясорубкой проведенные на съемочной площадке месяцы вспоминались, как добрая сказка. Лихой каскадер Дорогин был частью этой сказки, и, наверное, отчасти именно поэтому Михаил не сразу его узнал – идеализированный воображением образ с годами утратил мелкие конкретные детали, свойственные живому человеку.

– Как же так? – сказал Михаил, когда процесс рукопожатий, объятий и хлопков по плечам и спинам подошел к концу, и они снова уселись за столик. – Я слышал, что ты погиб!

– О, – усмехнулся Дорогин, – это был, пожалуй, самый сложный из моих трюков.

– Правда? А мне казалось, что после таких трюков люди меняют имя, а иногда даже внешность...

– Это было ни к чему. К тому времени, как я воскрес, все, кого этот факт мог бы заинтересовать, уже умерли. Такая вот, понимаешь ли, цепь трагических случайностей.

– Однако... Честное слово, мне тебя сам бог послал!

Произнеся эту фразу, Михаил Шахов немедленно задумался о том, насколько она соответствует действительности. Между молодым каскадером в кожаном колете и ботфортах, что лихо фехтовал на шпагах и прыгал с зубчатых стен в крепостные рвы, и владельцем частного сыскного агентства «Ольга» пролегла пропасть. И кто знает, какие тайны догнали на ее дне? Вряд ли упоминание о «цепи трагических случайностей» было хвастливым враньем с целью набить себе цену; скорее всего, у Дорогина и впрямь имелось персональное кладбище, которому позавидовал бы любой практикующий хирург. Следовательно, отношения с законом у него, мягко говоря, натянутые – в прошлом были наверняка, а возможно, остались таковыми и по сей день. В конце концов, он ведь сидел, а зона – это такой университет, из стен которого мало кто выходит прежним, не изменившимся. Михаилу он запомнился как хороший человек, но большинство из нас хороши до тех пор, пока это выгодно. Времена тогда были совсем другие, да и как мог семнадцатилетний мальчишка понять, что в действительности скрывается за

веселым дружелюбием взрослого человека, да к тому же каскадера, окруженного героическим ореолом своей мужественной профессии?

Словом, от того, что частный сыщик Дорогин оказался тем самым Сергеем Дорогиным, что некогда был для Михаила Шахова чуть ли не кумиром, мало что менялось – ну, разве что, как предположил Громозека, цена на его услуги, да и то вряд ли. А вот вопрос о том, насколько можно доверять частному сыщику, так и остался нерешенным.

Дорогин разглядывал его, думая примерно о том же. Ему помнился ясноглазый паренек – неплохо воспитанный, остроумный, в меру независимый, а главное, умеющий добиваться поставленной цели. С тех пор сын кинооператора Шахова вырос и возмужал. Судя по одежде и манере держаться, дела у него шли неплохо. Впрочем, для выросшего в интеллигентной семье коренного москвича материальное благополучие является скорее нормой, чем исключением из общего правила; надо быть клиническим дебилом или уж очень невезучим человеком, чтобы, имея такое преимущество на старте, оказаться среди аутсайдеров.

Другое дело, что упомянутое благополучие достигается, сохраняется и укрепляется очень разными методами и способами. Вряд ли, конечно, Мишка Шахов скопил начальный капитал, раздевая прохожих в темных подворотнях. Но существует множество разновидностей легального и полупереулегального бизнеса, которые хуже открытого, честного грабежа. И оттого, что Сергей Дорогин когда-то знал сидевшего перед ним человека, практически ничего не менялось: это был почти такой же незнакомец, как любой случайный посетитель, и факт их давнего знакомства никоим образом не прояснял сути проблем, которые его одолевали.

Кроме того, Сергея беспокоило очень характерное вздутие, которое наблюдалось под пиджаком Михаила на левом боку. Судя по размерам, там, под пиджаком, висело кое-что посolidнее старикашки «Макарова». Сотрудник милиции или, не к ночи будь помянута, ФСБ вряд ли станет обращаться за помощью к частному сыщику. Криминал? Но у криминальных структур системы розыска и безопасности налажены не хуже, а может быть, и лучше, чем у государства... Дорогин подавил вздох: приходилось признать, что наличие у Шахова под пиджаком чего-то, похожего на пистолет, тоже мало что проясняет.

Подошедшая официантка приветливо поздоровалась с Дорогиным, которого хорошо знала, и скользнула заинтересованным взглядом по симпатичному открытому лицу и ладной фигуре Шахова. Михаил полез в меню, но Дорогин отобрал у него папку.

– Насколько ты голоден? – спросил он.

– Как волк, – честно признался Михаил.

– Волка, насколько мне известно, полагается кормить мясом, – сказал Дорогин. – Значит, так, Танечка...

Он продиктовал довольно пространный заказ. Михаил с неловкостью кашлянул в кулак.

– Честно говоря, на такую сумму я как-то не рассчитывал...

– Замолчи, мальчишка! Дядя угощает.

– Дядя кормит на убой всех своих клиентов?

– Дядя не занимается благотворительностью, а ты, пока не заговорил о деле, для меня не клиент, а сын моего давнего знакомого. Кстати, как отец?

– Родители умерли, – сказал Михаил. – Ты извини меня, пожалуйста, но мне сейчас не до застольных разговоров. Кажется, у меня очень мало времени. Я почти слышу, как стрекочет таймер...

Дорогин сунул в зубы сигарету и чиркнул зажигалкой.

– Таймер, говоришь? А бомба где?

– Судя по всему, прямо у меня в... Ну, ты понимаешь.

– Знакомое ощущение... – Дорогин со щелчком опустил крышечку зажигалки, погасив пламя, и выпустил струю дыма, который, постепенно рассасываясь, за клубился в конусе света настольной лампы. – Значит, вечер воспоминаний придется отложить. Тогда рассказывай.

Михаил смешался.

– Что, прямо так и рассказывать?

– А как? Учти, действуя втемную, без информации, я вряд ли смогу тебе помочь. Кроме того, информация нужна, чтобы решить, могу ли я оказаться тебе полезным, или это вне моей компетенции.

– То есть захочешь ли ты за это взяться?

– Не «то есть». Но в том числе и это. Извини за прямоту, но сбором компромата и сокрытием уголовных преступлений я не занимаюсь. Кстати, на твоём месте я бы немного опустил кобуру.

– Знаю, выпирает, – спокойно ответил Михаил. – Ремешок коротковат – оторвался. Не волнуйся, ствол зарегистрирован.

– Мне-то что об этом волноваться? – пожал плечами Дорогин. – Ну, так что ещё интересного в твоей жизни, помимо зарегистрированного ствола?

– Интересного хоть отбавляй. Честно говоря, хотелось бы, чтобы его было поменьше. Мы с тобой тогда, наверное, не встретились бы, и все-таки...

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – с пониманием кивнул Дорогин. – Ты давай, выкладывай по порядку, если ещё не передумал.

– Даже не знаю, – сказал Михаил. – Скажи, это твоё агентство – серьёзная фирма? Какого рода делами вы занимаетесь?

– Я уже говорил, что мы не подглядываем в окна и не торгуем грязными фотографиями. Специалистов такого рода хватает и без нас. Исключи это, да ещё, пожалуй, заказные убийства, и все, что останется, будет нашим огородом.

– Вплоть до проблем национальной безопасности?

– Надеюсь, это шутка, – сказал Дорогин.

– Я тоже на это надеюсь, – вздохнул Шахов. – Как и на то, что ты и твои люди умеете держать язык за зубами.

– Без этого умения в нашем бизнесе долго не продержишься, – заверил его Дорогин. – Шантажисты, как и болтуны, долго не живут.

– Твои бы слова, да богу в уши, – снова вздохнул Михаил.

Вернувшаяся официантка расставила на столе закуски, пожелала им приятного аппетита и ушла.

– Ты сказал, что у тебя мало времени, – придвигая к себе тарелку, напомнил Дорогин. – А сам ходишь вокруг да около.

Михаил кивнул, соглашаясь. Нужно было на что-то решаться. Рассказывать постороннему, в сущности, человеку то, что он собирался рассказать, было рискованно во всех отношениях. Но, с другой стороны, миг, когда все это перестанет иметь значение, был уже недалек, и Михаил буквально кожей чувствовал его приближение. Проще всего в его положении было застрелиться; возможно, это был единственный выход, но прибегнуть к нему, даже не попытавшись найти другой путь, означало бы предать жену и дочь.

– Началось с того, что у меня сгорела дача, – сказал Михаил и почувствовал облегчение, во многом сходное с тем, которое испытывает человек, успевший вовремя добежать до унитаза.

* * *

Полковник Семенов шел длинным, совершенно пустым коридором. Стук подошв о каменные плиты пола эхом отдавался под высоким сводчатым потолком. Слева тянулся бесконечный ряд узких, забранных прочными решетками и оснащенных жестяными «намордниками» окон, а справа проплывали железные двери со смотровыми глазками и прочными запорами. В руках полковник держал видеокамеру в черном матерчатом чехле. Шагавший следом

прапорщик внутренних войск, вооруженный резиновой дубинкой и брэнчащей связкой ключей, подозрительно косился на нее, но помалкивал, зная, что этот посетитель из тех, на кого не распространяется большинство писаных и неписаных законов.

За окнами стояла непроглядная тьма, хотя швейцарский хронометр на запястье полковника показывал всего половину десятого. До середины выкрашенные зеленой масляной краской толстые стены навевали глухую чугунную тоску, решетки на окнах вызывали клаустрофобию и желание как можно скорее убраться из этого места.

Добравшись до нужной камеры, полковник остановился. Вертухай вышел вперед, заглянул в глазок, отпер тяжелую дверь, еще раз заглянул в глазок и отступил в сторонку. Семенов вошел в камеру, и дверь закрылась за ним с глухим металлическим лязгом.

Из мебели в камере имелись только стол, стул, привинченный к полу табурет да полочка, на которой стоял телефонный аппарат без диска. Семенов уселся, отодвинул от себя алюминиевую пепельницу, выложил на стол пачку сигарет и зажигалку и расчехлил камеру. Через несколько минут дверь снова открылась, и через порог шагнул человек в мятых джинсах и растянутом, грязном свитере. Черные с проседью волосы на его голове торчали во все стороны неопрятными космами, щеки и подбородок заросли жесткой щетиной. Человек прижимал ладонь к левой стороне лица, и Семенов заметил, что пальцы у него в крови.

– Что за беспредел, уважаемый? – с сильным кавказским акцентом возмущенно воскликнул арестант. – Ваш вертухай мне только что чуть глаз не выбил! Ни за что ни про что дубинкой по лицу – это правильно, нет?

– Это нужно для дела, – спокойно сказал полковник. – Что же, ради вас гримера с киностудии вызывать? Садитесь, Кикнадзе. Можете курить.

Арестант не заставил себя долго уговаривать. Он уселся на табурет, вытряхнул из пачки полковника сигарету, чиркнул зажигалкой и с видимым удовольствием закурил, хлюпая разбитым носом и растирая кровь по небритой физиономии рукавом свитера.

– Уговор наш помните? – спросил Семенов.

– Я-то помню, – сказал Кикнадзе. – Главное, чтоб вы не забыли, гражданин начальник.

– Я говорил со следователем, – сообщил Семенов. – Он согласен переквалифицировать ваше дело по статье непредумышленное убийство. Если сыграете убедительно, можете получить условный срок.

– Век за вас молиться буду, – пообещал Кикнадзе.

– Вряд ли ваши молитвы как-то повлияют на мою судьбу, – сухо сказал полковник и, вынув из внутреннего кармана пиджака лист бумаги, расправил его на столе. – Вот текст. Прочтите и запомните. Запомните хорошенько, подглядывать в шпаргалку не придется.

Кикнадзе взял бумагу, запачкав уголок листа кровью, и стал читать, время от времени хмыкая и озадаченно шевеля мохнатыми, сросшимися на переносице бровями.

– Моим землякам это не понравится, – сказал он, дочитав до конца. – Сильно не понравится.

– Ваши земляки об этом не узнают, если я им не скажу. А вы думали, я отмажу вас от пожизненного даром? Зверское изнасилование и двойное убийство – это, по-вашему, новогодняя шутка? Читайте, Кикнадзе, читайте, я не собираюсь торчать здесь с вами до утра!

Кавказец вздохнул, шмыгнув носом, втянув в себя кровавые сопли, и стал читать с самого начала. Не прерывая чтения, он потушил в пепельнице коротенький окурок и сейчас же закурил снова. Некурящий полковник поморщился – он терпеть не мог запах табачного дыма, а на работе вдыхать его приходилось частенько. Один только генерал Кирюшин с его трубкой чего стоил! Просто удивительно, насколько наплевать некоторые, казалось бы, умные люди относятся к собственному здоровью, а главное, к здоровью окружающих...

– Готовы? – спросил он, когда арестованный, трижды прочтя текст, положил бумагу на край стола.

Кикнадзе кивнул и потушил сигарету.

– Я буду задавать вопросы, – сказал Семенов, убирая бумагу туда, где она не могла попасть в поле зрения камеры, – а вы старайтесь держаться естественно. Не надо играть, мы не в театре. Просто отвечайте, как отвечали следователю на допросе. Все ясно?

– Ясно, начальник.

– Тогда поехали. – Семенов включил камеру и навел объектив на разбитую физиономию кавказца. – Ваше имя и воинское звание?

– Габуния Зураб Вахтангович, полковник государственной безопасности Грузии, – без запинки ответил Кикнадзе.

– С какой целью пытались пересечь государственную границу Российской Федерации?

– Для выполнения задания руководства.

– Расскажите о задании.

Кикнадзе начал рассказывать. Семенов снимал, время от времени задавая наводящие вопросы и внимательно вслушиваясь в ответы, чтобы прервать съемку, как только его «актер» собьется или понесет отсебятину. Впрочем, нужды в этом так и не возникло: этот торгаш с рынка, в пьяном виде изнасиловавший женщину и зарезавший ее вместе с трехлетней дочерью, когда-то, видимо, получил неплохое образование и обладал хорошей памятью, так что текст он заучил едва ли не до последней запятой и воспроизводил с завидной точностью.

Когда последний вопрос был задан и ответ на него получен, полковник просмотрел запись. Кикнадзе тем временем закурил. Вид у него был довольный, прямо как у актера, только что вернувшегося за кулисы со сцены, где он с блеском сыграл трудную роль. Сыграно и впрямь было недурно. Семенов подумал, что, если бы получил эту запись из чьих-то рук, да еще и с соответствующими комментариями, она наверняка произвела бы на него впечатление. Конечно, в силу профессиональной привычки он заподозрил бы подделку, но как это проверить? Следов монтажа и каких-либо компьютерных фокусов на записи нет, она подлинная, и это единственный ее параметр, который поддается проверке. Сомнения после такой проверки все равно останутся, но это и к лучшему, потому что запись сделана именно для того, чтобы заставить кое-кого сомневаться во всем на свете...

Выключив камеру, полковник спрятал ее в чехол, а потом снял телефонную трубку и вызвал охранника. Тот вернулся, гремя ключами, и дал арестованному команду на выход. Кикнадзе шагнул в коридор, привычно заложив руки за спину. Прапорщик посторонился, пропуская его, и, прежде чем закрыть дверь, взглянул на Семенова. Полковник едва заметно кивнул, и прапорщик кивнул ему в ответ. Потом дверь закрылась, и стало слышно, как в коридоре охранник лающим голосом профессионального вертухая подает арестованному команды.

Они шли бесконечными коридорами – арестованный с заложёнными за спину руками, радующийся, как ловко ему удалось скостить срок, обещавший стать пожизненным, и охранник, весьма довольный подвернувшемуся приработку, который, помимо всего прочего, был ему очень по душе. Дойдя до своей камеры, кавказец привычно замедлил шаг, готовясь стать лицом к стене, но вместо ожидаемой команды послышалась другая:

– Вперед.

– Куда идем, начальник? – удивился Кикнадзе, обернувшись через плечо.

– Разговорчики! – Прапорщик ткнул его в спину концом резиновой дубинки, а затем, неожиданно смягчившись, добавил: – В другую хату тебя приказано перевести. Другая статья – другие соседи, понял?

– А мои вещи?

– Поговори у меня! Будут тебе и вещи, и баба на ночь в оригинальной упаковке...

Миновав решетчатую стальную перегородку, разделявшую секции следственного изолятора, они стали спускаться вниз по громыхающей железной лестнице, пролеты которой были забраны густой металлической сеткой. Это было сделано, чтобы предотвратить возможные

самоубийства, и Кикнадзе при виде этой сетки, как обычно, стало не по себе. Сетка красно-речиво свидетельствовала о том, что даже те, кто строил это здание, понимали: жизнь здесь может показаться хуже смерти. Ему же оставалось только порадоваться, что его пребывание здесь надолго не затянется. Нет, бывает же на свете такое везение! А всего-то и понадобилось, что повторить в объектив камеры ту чепуху, что была написана на бумажке. Полковник госбезопасности... Ха! Да кто, находясь в здравом уме, поверит, что Реваз Кикнадзе имеет хоть какое-то отношение к спецслужбам?

Они миновали еще одну стальную решетку и оказались в узком сводчатом коридоре, освещенном редкими лампами, что через равные промежутки висели под темным от сырости, покрытым грязными разводами плесени потолком. По сырым неоштукатуренным стенам тянулись пучки силовых кабелей и изъеденные ржавчиной трубы – судя по их толщине, канализационные. Во впадинах неровного цементного пола поблескивали лужи, откуда-то доносился мерный стук капающей воды. Окон не было; заметив их отсутствие, Кикнадзе осознал, что находится в подвале, и слегка забеспокоился: ему как-то не доводилось слышать, что в подвале тоже есть камеры. А если и есть, то условия в них, должно быть, еще те... Ничего себе, заработал послабление!

Его беспокойство усилилось, когда он услышал у себя за спиной характерный скользкий металлический щелчок. Этот звук был похож на то, о чем арестованному Кикнадзе даже думать не хотелось.

– В чем дело, начальник? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Не оборачиваться! Прямо! – отрывисто пролаял прапорщик.

Кикнадзе покорно поплелся вперед, по горькому опыту зная, что спорить с вертухаем – дело не только безнадежное, но еще и очень вредное для здоровья. Прапорщик за ним не пошел. Остановившись, он поднял на уровень глаз пистолет, тускло блеснувший вороненым стволом в желтушном свете пыльной лампочки, тщательно прицелился и спустил курок. Ему уже очень давно не доводилось приводить в исполнение смертный приговор, и он успел соскучиться по этому приятному делу.

Кикнадзе упал, как подкошенный, пачкая кровью сырой цементный пол. Подойдя к нему вплотную, прапорщик наклонился и пощупал пульс, хотя и так видел, что контрольный выстрел не нужен – пуля вошла точно в середину затылка. Убитый лежал на животе со свернутой набок головой, и прапорщику были видны его испачканная кровью щека и широко открытый глаз.

– Собаке собачья смерть, – негромко произнес прапорщик, убирая в кобуру пистолет.

Прапорщик Козлов был ярким противником отмены смертной казни, а введение моратория считал чудовищной ошибкой, допущенной руководством страны в подбострастном стремлении угодить Западу. Поэтому в том, что он только что совершил, прапорщик не видел ничего предосудительного – напротив, он считал, что правильнее поступить было нельзя. Другое дело, что лежащий на полу насильник и убийца был расстрелян не по приговору народного суда, а по просьбе одного хорошего человека, которому прапорщик не мог отказать. Это могло обернуться массой неприятных проблем, и, чтобы их избежать, следовало принять кое-какие меры.

Прапорщик вынул из кармана острую заточку, старательно стер с нее отпечатки пальцев и, обернув рукоятку носовым платком, полоснул себя по левой руке. Камуфляжная ткань разошлась без единого звука, из неглубокого пореза хлынула кровь. Козлов вложил заточку в руку убитого кавказца и, зажимая рану носовым платком, торопливо зашагал к лестнице.

Глава 6

– Это похоже на банальное сведение счетов, – выслушав Михаила, сказал Дорогин.

Он придвинул к себе только что принесенную официанткой тарелку с горячим и стал аккуратно резать мясо. Михаил тоже отрезал кусочек, пожевал и кивнул:

– Есть можно. Ты знаешь, до сегодняшнего вечера я тоже так думал. И все голову ломал: кому же это я мог так насолить? А сегодня прихожу домой, а из квартиры все ценное какие-то сволочи вынесли. Дверь, само собой, взломана, а на столе в кухне – вот это.

Расстегнув рубашку, он швырнул на стол слегка помявшийся желтый конверт. Пока он приводил в порядок одежду, Дорогин успел открыть конверт. В конверте лежало десятка полтора фотографий – цветных, очень качественных. Зная толк в скрытом фотографировании Дорогин сразу сообразил, что снимки делали с приличного расстояния и с большим увеличением, что, с учетом современного уровня развития техники, сегодня мог сделать любой дурак, у которого хватило денег на приличную цифровую камеру.

На всех фотографиях были изображены миловидная молодая женщина и симпатичная девчушка лет десяти-одиннадцати. Снимки были сделаны в разных местах – на улице, на детской площадке, в парке, во дворе со снеговиком, а один даже в кафе, где девочка, несмотря на зимнее время, с удовольствием уплетала мороженое, а женщина тянула через соломинку нечто, похожее на молочный коктейль.

– Твои? – поинтересовался Дорогин, один за другим переворачивая снимки, чтобы посмотреть, нет ли надписей на обороте. Надписей не было, если не считать таковыми оттиснутое на бумаге название фирмы – производителя фотографических принадлежностей.

– Мои, – кивнул Шахов.

– У тебя хороший вкус, – похвалил Дорогин. – А дочка – просто красавица. Будет очень обидно, если с ней произойдет что-нибудь плохое.

– Обидно? – переспросил Михаил таким тоном, словно впервые слышал это слово и даже не догадывался об его значении. Занятый собственными переживаниями, он не заметил, какое лицо сделалось у Дорогина при виде фотографий. Впрочем, выражение внезапно прорвавшейся наружу боли исчезло, едва успев появиться, и лицо Дорогина снова приобрело обычный вид. – Обидно... Да если их хотя бы пальцем тронут, я этих сволочей из-под земли достану и обратно в землю вобью! По самые, мать их, ноздри!

– Не кричи, люди оглядываются, – сказал Дорогин. – И поверь моему опыту: никакая месть не может воскресить мертвых. Поэтому лучше беречь живых. С твоего позволения, я оставляю снимки себе.

– Зачем? – устало спросил Шахов.

– Для работы. Стало быть, мы имеем дело с шантажом. Чего от тебя требуют?

– Пока ничего. Это похоже не столько на шантаж, сколько на предупреждение: готовься, парень, неприятности вот-вот начнутся.

– Странный способ шантажировать человека, давая ему время на подготовку контрмер...

– Да в том-то и дело, – с горечью воскликнул Михаил, – что никаких контрмер я подготовить не могу! И зря я тебе позвонил, и ты зря согласился со мной встретиться. Только неприятности наживешь, и ничего больше.

– Платок тебе дать? – спросил Дорогин, отрезая очередной кусочек отбивной.

– Зачем?

– Сопли вытереть.

– Ничего-то ты не понимаешь, – вздохнул Михаил.

– Конечно, не понимаю, – спокойно согласился Дорогин. – Откуда взяться пониманию, если ты только заламываешь руки и ничего толком не объясняешь? Насколько я смог уяснить, денег они у тебя не требовали...

– Все, что можно было у меня потребовать, они уже преспокойно украли, – напомнил Шахов. – Кстати, я как-то не подумал, чем стану с тобой расплачиваться. Денег-то у меня в обрез, от получки до получки, а твоих детективов, поди, кормить надо.

Дорогин небрежно отмахнулся вилкой.

– Одно из двух, – сказал он. – Или мы прижмем этих затейников к стенке и, помимо всего прочего, вернем твои деньги, или нам обломают рога, и деньги перестанут нас волновать. Не знаю, как тебе, а мне первый вариант нравится больше.

– Странно, – нашел в себе силы съязвить Михаил.

Наблюдая за тем, как Дорогин спокойно уплетает мясо и между делом говорит о поимке неизвестных шантажистов и возврате украденных денег (о чем сам Михаил, по правде говоря, даже и не думал), Шахов почувствовал, что к нему понемногу начинает возвращаться если не спокойствие, то хотя бы надежда на то, что его проблема разрешима. Правда, Дорогин знал еще далеко не все. «Поглядим, что ты запоешь, когда поймешь, с чем придется столкнуться», – с горечью подумал Михаил.

– Значит, они хотят не денег, – констатировал Сергей, глотнув минеральной воды. – Что же их может интересовать? Кстати, если бы ты сказал, чем занимаешься в рабочее время, мне было бы легче строить предположения.

– Тут-то собака и зарыта, – признался Михаил. – Мне даже думать не хочется о том, что это может быть как-то связано с моей работой. А других вариантов я, признаться, не вижу. Понимаешь, какая история...

Он опасливо огляделся по сторонам, а потом, вынув из внутреннего кармана пиджака, положил на стол и, накрыв ладонью, подвинул к Дорогину маленькую книжечку в красном коленкоровом переплете. С переплета на Сергея, грозно расправив крылья, глядел тисненый золотом двуглавый орел. Дорогин прочел то, что было написано ниже герба, неопределенно дернул щекой и, развернув корочки, заглянул внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.